

С. А. Крылов

Институт востоковедения РАН

(Москва, Россия)

krylov-58@mail.ru

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПОДХОДОВ К ВЫДЕЛЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА. ЧАСТЬ I.

(§ 0. Вводные замечания.

§ 1. Попытка непосредственного сопоставления неструктуралистского подхода с предшествующими ему традиционными подходами)*

Сопоставлены несколько альтернативных подходов к выделению грамматических классов слов и грамматических категорий в русском языке. Основные положения неструктуралистского подхода сопоставляются с другими концепциями:

- (а) с «канонической» точкой зрения современной русистики;
- (б) с разными вариантами «традиционных» теорий;
- (в) с «формально-грамматической школой» 1920-х годов;
- (г) с концепциями А. А. Зализняка и других грамматистов XX века.

Во введении рассмотрены следующие дихотомии:

- (1) грамматика устной vs. письменной речи;
- (2) морфология vs. синтаксис;
- (3) синтетизм vs. аналитизм грамматического строя: «узкоформальная» vs. «расширенно-формальная» трактовка;
- (4) «флективная» vs. «агглютинативная» морфология;
- (5) «словоизменение» vs. «словообразование».

В I разделе рассмотрены дихотомии, составляющие логическое основание неструктуралистского подхода к грамматическому описанию (в сопоставлении преимущественно с концепцией А. А. Зализняка):

- (0) разные подходы (словарный vs. корпусный) к источникам формирования «исходного материала»;

* Работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ № 17-04-00594 «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика», РФФИ № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе РЯ» и РФФИ № 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов РЯ (ОДКРЯ)».

- (1) номинативные vs. синтаксические элементы значения;
- (2) обычная (синтетическая) vs. расширенная парадигма;
- (3) словоизменительные vs. словоклассифицирующие грамматические категории.

При обсуждении третьей дихотомии неструктуралистский подход сопоставляется также с концепцией степеней коррелятивности А. В. Бондарко, который помимо

(а) дихотомии (бинарного различения) «коррелятивности» vs. «некоррелятивности» предложил ввести более частные подразделения подклассов:

- (б) «последовательной» vs. «непоследовательной» коррелятивности и
- (в) степеней «лексической обусловленности парадигмы», которых выделяется три:
 - (в') «лексически необусловленная парадигма»,
 - (в'') «частичная лексическая обусловленность парадигмы» и
 - (в''') «высокая степень лексической обусловленности парадигмы».

Понятия степеней коррелятивности допускают проекцию на две дополнительных сферы: (1) на оппозиции лексико-грамматических разрядов; (2) на оппозиции синтаксических форм, составляющих «формально-структурную согласовательную сторону» лексико-грамматических разрядов.

При неструктуралистском подходе налицо (I) совместимость так называемой «некоррелятивности» (фактически минимальной коррелятивности) с наличием минимальных пар, образующих грамматические оппозиции; (II) совместимость так называемой «последовательной коррелятивности» с лексикализацией граммем.

Ключевые слова: граммема, русский язык, грамматическая категория, грамматическая форма, квазиграммема, флективность, синтетизм, агглютинация, анализ, грамматическое значение, лексикализация, грамматикализация, аналитические формы, парадигма, словоизменение, формообразование, части речи, грамматические разряды.

§ 0. Вводные замечания

§ 0.0. Предмет анализа

Предметом анализа в настоящей работе является сопоставление т. н. неструктуралистского подхода (далее — НСтрП) к теории русской грамматики (далее ТРГ) с несколькими альтернативными ему подходами, как «каноническими» («мейнстримовыми»), так и периферийными.

Автор сознаёт, что предлагаемое сопоставление не является целиком теоретически беспристрастным, так как при всём стремлении автора к объективности именно НСтрП является некоторой теоретической «точкой отсчёта», с позиций которой ведётся изложение¹.

¹ В ряде публикаций некоторые положения НСтрП были уже вкратце изложены. См., напр., Крылов 1997 (переизд. Крылов 1997/2002) и некоторые другие статьи (ссылки на которые даны

Предметом внимания является набор грамматических классов лексем (то есть «частей речи» и «грамматических разрядов»), набор грамматических категорий, набор словоизменительных разрядов, система словоизменительных парадигм (а также «субпарадигм», или «подпарадигм»), и грамматическая классификация словоформ в русском языке (РЯ). Сперва остановимся на отличительных особенностях НСтрП по сравнению с предшествующими концепциями ТРГ (одновременно отмечая при этом и сходства НСтрП с некоторыми из этих концепций). Особое внимание будет уделено соотношению НСтрП:

- (а) с «канонической» точкой зрения, принятой в современной русистике;
- (б) с разными вариантами «традиционных» ТРГ;
- (в) с так наз. «формально-грамматической школой» (ФГШ) в русистике 1920-х гг.;
- (г) с концепцией А. А. Зализняка².

§ 0.1. Грамматика устной речи vs. грамматика письменной речи.

Из двух форм существования РЯ — устной и письменной — в НСтрП исходным предметом рассмотрения фактически служит лишь письменная форма РЯ, а проблемы грамматики устного языка остаются за его пределами. Однако фактически основные положения НСтрП (хотя и не все!) приложимы также к исследованию устной формы РЯ.

§ 0.2. Морфология vs. синтаксис.

Предметом настоящей статьи является лишь трактовка морфологического строя, так что сферу синтаксиса (в любом из распространённых пониманий этого термина «синтаксис») мы не будем затрагивать. Поэтому термин «грамматика» и все термины, включающие в свой состав слово «грамматический» («грамматическая классификация», «грамматические классы», «грамматические категории», «грамматическая характеристика», «грамматические оппозиции») понимаются в настоящем изложении в более узком смысле слова (то есть имеют более узкий объём)³, чем это следует из буквального (и, по-видимому, более согласующегося с общепринятым пониманием) значения этих терминов.

Здесь уместно сделать одну существенную оговорку. Исключением из того, что было сказано об общепринятом понимании, могут на первый взгляд показаться работы А. А. Зализняка — Зализняк 1967 и Зализняк 1977. Действительно, проблемы

далее «по ходу изложения» конкретных принципов НСтрП, существенных для изложения соответствующих проблем).

² Из общеграмматических идей А. А. Зализняка предметом рассмотрения в данной статье будут лишь те, которые были высказаны в работах Зализняк 1967, 2002 (далее «РИС»), Зализняк 1977 (далее «ГСЗ») и Зализняк 1973.

³ Такое понимание соответствует «узкоморфологическому» подходу в описании морфологических категорий в смысле Булыгина 1977: 174–175.

синтаксиса (а точнее говоря, морфолого-синтаксического «интерфейса», то есть как бы «мостика» между морфологией и синтаксисом) в работах РИС и ГСЗ занимают периферийное место. Однако напомним, что эти проблемы всё-таки затрагиваются в указанных работах (хотя и «вскользь»).

Так, в РИС подробно обсуждается понятие согласования и согласовательный аспект грамматических категорий предметных слов (рода, одушевлённости, числа и падежа), а кроме того, «реакционный» («контролируемый», или «пассивный») аспект категорий падежа и числа существительных.

ГСЗ включает описание вышеупомянутых явлений (вслед за книгой РИС), а также признаков «переходности/непереходности» и «личности/безличности» глаголов. Кроме того, неизменяемые лексемы в ГСЗ распадаются на несколько классов (выделяемых на синтаксических основаниях): это традиционные классы (наречия, предлоги, союзы, частицы и междометия), а также класс предикативов.

Аналогичным образом устроено и предлагаемое читателю изложение НСтрП. Соответственно, сопоставление «грамматической классификации» и «грамматических классов» с традиционными классификациями «частей речи» вполне возможно, если рассуждение ведётся в пределах классификации слов на семантико-синтаксических основаниях.

§ 0.3. Синтетизм vs. аналитизм в грамматическом строе языка: «узко-формальная» vs. «расширенно-формальная» трактовка.

Некоторые направления отечественной теоретико-грамматической мысли (условно назовём такие трактовки «узко-формальными»⁴), точно следуя в этом за «формально-грамматической школой» (ФГШ)⁵ и отчасти также за работами А. А. Зализняка (РИС и ГСЗ)⁶, ограничиваются подсистемой «синтетической»

⁴ Термин «узко-формальный» в этом смысле (то есть относящийся к «синтетической» подсистеме в морфологии), восходит к термину «узко формальный» из работы Зализняк 1973/2002: 615–617. Вспомним, что в этой работе «узко формальным» называется «такое понимание падежа, при котором в качестве падежных форм допускаются только цельные словоформы» (а не, например, порядок слов или сочетания имени с предлогом или послелогом).

⁵ Концепция ФГШ ясно изложена в работах [Ушаков 1928], [Дурново 1924], [Петерсон 1925].

⁶ Ср., однако, важную оговорку А. А. Зализняка в РИС (с. 30–31), в которой вводится понятие «расширенной парадигмы», применяемое, однако, (по словам автора) только за пределами именного словоизменения, хотя в целом вопрос о статусе составных (аналитических) форм в русской морфологии эксплицитно почти не обсуждается ни в РИС, ни в ГСЗ. Фактически у кванторных и взаимных местоимений А. А. Зализняк усматривает составные разрывные (дистактные) формы косвенных падежей, содержащие внутри себя графему пробела. В грамматическом очерке, приложенном к ГСЗ, термин «расширенная парадигма» реально не употребляется, однако фактически в этом очерке действительно упоминаются составные (аналитические) формы будущего времени несовершенного вида с показателем *буду* (*будет...* и т. п.) (ГСЗ: 84, 88) и сослагательного наклонения с частицей *бы* (там же: 85, 88); кроме того, в разделе, посвящённом страдательным причастиям, упоминается тот факт, что краткие формы страдательных причастий «выступают в конструкциях, играющих роль личных форм страдательного залога (*дём построён, дём был построен, дём будет построен*)» (там же: 86). Все эти практические решения, безусловно,

парадигматики (по терминологии НСтрП), а всю проблематику «аналитической морфологии» (связанную с выделением «составных» или «аналитических» форм)⁷, полностью оставляет вне сферы своего рассмотрения⁸.

С этим связан также тот факт, что и сами термины «морфология» и «морфологический» имеет в этих направлениях (разумеется, вслед за РИС и ГСЗ) более узкий смысл, чем в «традиционной» («канонической», «мейнстримовой») русистике⁹, которая проблематику аналитических форм, безусловно, включает в свою сферу¹⁰.

В трактовке аналитической морфологии НСтрП идёт вслед за Ю. С. Масловым (Маслов 1968/2004: 653; Маслов 1987: 154–155), который включал в эту сферу не только традиционно выделяемые формы (преимущественно глагольные — напр., сочетание будущего времени связочного глагола с инфинитивом НСВ, сочетание связи со страдательным причастием, или адъективные составные формы компаратива и суперлатива), но и предложно-падежные формы, выражающие аналитические падежные граммы (см. [Маслов 1987: 158–159])¹¹. При этом вслед за Ю. С. Масловым НСтрП трактует аналитические формы как принадлежащие к «ярусу лексем», а синтетические — как принадлежащие к «ярусу глоссем» ([Маслов 1968/2004: 653])¹².

согласуются как с традицией, так и с НСтрП, однако роль всех упомянутых и подобных им наблюдаемых фактов в грамматике русского языка (и их место в морфологической системе) оказываются практически не освещёнными. Остаётся неясен их теоретический статус, так как они едва ли поддаются интерпретации в рамках той концептуально-терминологической системы, которая предназначена преимущественно для описания явлений синтетической (а не аналитической) морфологии. В частности, остаётся непрояснённым вопрос о парадигматических границах «расширенной парадигмы», то есть о том, есть ли в русском языке какие-либо аналитические формы помимо тех, которые упомянуты в ГСЗ на страницах 84, 86, 88.

⁷ Понятие «аналитической морфологии» (или «аналитической грамматики») (см. [Бородина 1963: 194]) содержательно восходит к таким понятиям, как «нефлективная морфология» ([Кацнельсон 1948/1986], [Кацнельсон 1949]) или «синтаксическая морфология» (см. [Бородина 1963: 194]). Этот последний термин В. М. Жирмунский приписывает В. В. Виноградову (см. [Жирмунский 1976: 93]), но конкретной ссылки на публикации Виноградова при этом не приводит. В публикациях В. В. Виноградова ровно такой термин не употребляется (по крайней мере, мне не удалось там его найти). Следует предположить, что В. М. Жирмунский, по всей видимости, подразумевает под «термином В. В. Виноградова» терминологическое прилагательное «синтаксический», употреблённое В. В. Виноградовым в составе термина «синтаксическое формообразование» (см., напр., [Виноградов 1952/1975: 179]). См. обзор этих проблем в [Жирмунский 1965: 5–57]; [Жирмунский 1976: 82–125].

⁸ Так, напр., в работе А. К. Поливановой вполне эксплицитно формулируется т. н. «принцип синтетичности словоформ», запрещающий «рассматривать аналитические словоформы» [Поливанова 2001/2008: 167].

⁹ Традиционная концепция представлена, напр., в [Литневская 2000], [Литневская и Багрянцева 2006].

¹⁰ См., напр., Камынина 1999: 8–9; Евтюхин 2013а: 18–19; Князев 2013а: 585–596.

¹¹ Широкий (обобщённо-морфологический) подход к падежу как к категории, выражаемой не только синтетическими средствами, но и аналитическими — предложно-падежными (или в языках с послелоговыми послеложно-падежными), включая несегментные (порядок слов), предлагаемый в НСтрП, разделял не только Ю. С. Маслов, но также и С. Е. Яхонтов (см. [Яхонтов 1978: 102]).

¹² О специфике общеграмматических идей Ю. С. Маслова см. [Крылов 2013].

§ 0.4. Морфология флективная vs. агглютинативная.

Как «узко-формальное» направление в ТРГ¹³, так и вполне «каноническая» русистика ограничивается только подсистемой «флективной морфологии» (в терминах НСтрП), почти полностью игнорируя (то есть оставляя в стороне) всю сферу «агглютинативной морфологии» (в терминах НСтрП)¹⁴.

Здесь уместно сделать несколько уточнений. Слово «почти» в пункте 0.4. употреблено не случайно. Если быть более точным, то некоторые наиболее заметные проявления «агглютинативной морфологии» всё же описываются в «традиционных» ТРГ (хотя и не входят в «каноническую» концепцию).

Во-первых, диминутивные (уменьшительные) и увеличительные образования (от существительных, прилагательных и наречий) порой трактуются как формы одного слова. Ср., напр., трактовку Л. В. Щербы в его диссертации «Восточно-лужицкое наречие» (1915); В. В. Виноградов сочувственно отзывается о концепции Л. В. Щербы в своей статье «О формах слова» (Виноградов 1944: 40). А. А. Шахматов говорит о грамматической категории «субъективной оценки» (Шахматов 1925, § 516). Естественно, при принятии такой трактовки «уменьшительно-ласкательные суффиксы» трактуются как «формообразующие» (Виноградов 1947, § 22).

Во-вторых, для обозначения примерно того же класса явлений, который в НСтрП именуется «агглютинативными граммемами», И. А. Мельчук в «Курсе общей морфологии» ввёл особый термин «квазиграммема» (Мельчук 1997: 286–288). Вскоре Н. В. Перцов доказал обоснованность применения этого термина в русистике, подведя под понятие «квазиграммемы»¹⁵ такие факты русского языка, как:

сравнительную степень прилагательного и наречия (Перцов 2001: 74, 101–102)¹⁶;

«побуждение к совместному действию» в глагольных формах типа *пойдёмте* (часто относимое к разновидности императива) (Перцов 2001: 74, 137)¹⁷;

¹³ Ср., напр., ФГШ и работы А. А. Зализняка (РИС и ГСЗ).

¹⁴ Об «агглютинативной морфологии» русского языка см. [Крылов — Старостин 2003].

¹⁵ В целях большей эксплицитности изложения заметим, что в НСтрП понятие «квазиграммемы» (в смысле И. А. Мельчука и Н. В. Перцова) вовсе не используется, однако явления, подводимые И. А. Мельчуком и Н. В. Перцовым под понятие квазиграммемы, в НСтрП квалифицируются как разновидность «граммем», а именно, как «агглютинативные граммемы». «Агглютинативные граммемы» являются можно охарактеризовать также (в других терминах) как «привативные граммемы», так как они являются членами «привативных оппозиций». На связь понятия «квазиграммема» как с привативным характером грамматической оппозиции, так и с агглютинативным грамматическим строем языковой системы справедливо указывает В. А. Плунгян (см. [Плунгян 1998/2003: 133–136], [Плунгян 2011: 43–46]).

¹⁶ В «канонических» ТРГ правомерность зачисления компаратива в словоизменение бесспорна; с точки зрения НСтрП, компаратив принадлежит к числу «агглютинативных» граммем.

¹⁷ В «канонических» ТРГ это значение не имеет внятного статуса; по Якобсону, это «корреляция числа» ([Якобсон 1932/1985: 218]); с точки зрения НСтрП, формы на *-те* выражают особую «агглютинативную» граммему «адгортативного числа», присоединяемую к формам «гортатива».

«фамильярное побуждение», выражаемое постфиксом *-ка* (преимущественно в сочетании с формами императива типа *пойди-ка*, но не только с ними: *пойду-ка*, *пошёл-ка*, *на-ка* и т. п.), ([Перцов 2001: 73–74, 138–144])¹⁸;

адвербиальную репрезентацию прилагательного (наречие типа *смело* или *геройски* как формы прилагательных *смелый* или *геройский*) ([Перцов 2001: 74, 144–145])¹⁹;

«аттенуативное» значение, выражаемое формами типа *поважнее*, противопоставленными формам типа *важнее* ([Перцов 2001: 74, 145])²⁰;

значение отрицания, выражаемое префиксом *не-* (в частности, в причастиях типа *непрекращающийся*²¹) ([Перцов 2001: 74, 145–146]).

Вслед за работами И. А. Мельчука и Н. В. Перцова понятие квазиграммемы вошло в вузовские учебники по русской морфологии²².

Оставим в стороне случаи, которые сам Н. В. Перцов считает дискуссионными²³, так как в рамках НСтрП они не относятся к сфере «агглютинативной морфологии».

§ 0.5. Словоизменение vs. словообразование.

Теперь будет уместно остановиться на проблематике дихотомии «словоизменение» vs. «словообразование».

¹⁸ В «канонических» ТРГ это значение не имеет внятного статуса; по Якобсону, это «коррелиция интимности» ([Якобсон 1932/1985: 218]); с точки зрения НСтрП, формы на *-ка* выражают особую «агглютинативную» грамему «интимности // фамильярности», присоединяемую к формам императива, гортатива и претерита (в императивной функции).

¹⁹ В «канонических» ТРГ это значение трактуется как словообразовательное; по Мельчуку, это «отадъективная синтаксическая адвербиализация» ([Мельчук 1998: 461, 473–475]); с точки зрения НСтрП, предпочтительно усматривать в таких случаях особую грамему, входящую в словоизменительную парадигму прилагательного, конкретнее, в его «адвербиальную репрезентацию». Эта последняя трактовка отчасти созвучна с концепцией «формальной парадигматики» А. К. Поливановой ([Поливанова 1990: 53]), которая тоже вводит понятие «адвербиальной репрезентации» (используя данный термин для трактовки словоформ типа *по-новому*, *по-русски* и т. п.).

²⁰ В «канонических» ТРГ это значение трактуется порой фактически как словоизменительное ([Шведова 1952: 292, § 484]) (это решение созвучно НСтрП), порой как словообразовательное ([Лопатин 1980: 307, § 702; 332, § 778]) (а это решение несозвучно НСтрП). По Мельчуку, это «аттенуативный компаратив» ([Мельчук 1998: 118]); по сути дела, похожая трактовка форм на *по-*предлагается в [Плунгян 2011: 319]), что вполне справедливо. В НСтрП аттенуативный компаратив трактуется как агглютинативная граммама.

²¹ Трактовка отрицания как особой агглютинативно выражаемой грамемы русского языка ([Крылов 2000]) восходит к введённой Р. О. Якобсоном категории «статуса», одной из граммем которой является «отрицательный статус» ([Якобсон 1957/1972: 100]) и к использованию одноимённой категории в описании Т. В. Булыгиной литовской синтетической морфологии ([Булыгина 1970: 69–70]).

²² См. Евтюхин 2013: 29.

²³ Вдобавок к этому, Н. В. Перцов рассматривает теоретические возможности «квазиграммемной» трактовки вокативных форм у существительного (*мам!*, *пан!*), кратких форм у прилагательного, пассивного залога у глагола (см. [Перцов 2001: 147–149]); здесь мы не будем углубляться в рассмотрение этих проблем.

В любом случае надо напомнить о том, что в описании любых языков (и РЯ, разумеется, не составляет исключения!) действует своего рода закон сохранения количества информации («закон компенсации»): всякое изъятие того или иного фрагмента модели языка из одного (напр., «словоизменительного») субкомпонента грамматики заставляет включить соответствующий ему фрагмент в другой субкомпонент (напр., «синтаксический», «словообразовательный», «лексико-семантический» или «грамматико-семантический»).

Как верно отмечает Т.В. Булыгина, «во многих случаях упрощение описания на одном участке языка связано с усложнением описания другого его участка» ([Булыгина 1977: 94])²⁴

В результате экономия описательных средств, достигаемая в рамках одного из субкомпонентов (то есть «разгрузка» этого субкомпонента), оказывается сугубо относительной, так как приводит к дополнительным затратам средств на других участках описания, то есть к повышению дополнительной «нагрузки» другого субкомпонента (или других субкомпонентов)²⁵.

Т.В. Булыгина вполне резонно заключает, что «простота, выражающаяся в минимизации используемых в описании признаков, может также служить формальным выражением лингвистической естественности фигурирующих в описании классов. Следует отдавать себе отчёт в существенной ограниченности этого критерия. Простота всегда подчинена эмпирической адекватности и, кроме того, использование критерия простоты имеет смысл только в том случае, если во внимание принимается полное лингвистическое описание» ([Булыгина 1977: 109]).

Одним из проявлений сформулированного выше «закона компенсации» является то, что отсутствие «дериватологического компонента» в грамматике в принципе не приводит к отсутствию описания соответствующих фактов (которые в традиционных ТРГ трактуются как проходящие по ведомству «словообразования») в словаре.

Напротив, в силу этого «закона компенсации» не вызывает удивления то, что в некоторых описаниях факт наличия между инвентарными единицами словаря отношения систематических (хотя и не очень регулярных) формально-смысловых сходств (= отношений мотивации) таки отражается (причём с должной степенью эксплицитности) на метаязыке лексикографического описания.

²⁴ Так, напр., в частности, частными проявлениями или следствиями из того же «закона сохранения» информации являются такие ситуации в лингвистическом описании, когда «увеличение числа исходных понятий позволяет сократить число правил, и наоборот» ([Апресян 1966: 271]); или когда «критерий простоты при фонемном описании может (...) привести к тому, что в дальнейшем, при описании морфем, окажется, что последние описываются слишком сложно» ([Степанов 1966: 47]).

²⁵ Иными словами (не прибегая к использованию специальной терминологии) этот «закон сохранения» можно было бы выразить поговоркой «Тришкин кафтан» или пословицей «Нос вытащишь — хвост увязнет, хвост вытащишь — нос увязнет».

В НСтрП²⁶ дихотомия «словообразование» vs. «словоизменение»²⁷ вообще снимается как нелогичная, так как «словообразование» противопоставляется не «словоизменению», а «формообразованию»²⁸, между тем как «словоизменение» противопоставляется «номинативной деривации»²⁹.

НСтрП принимает дихотомию «словоизменение» vs. «словообразование» (в фортунатовском смысле) содержательно, но не терминологически: если к термину «словоизменение» (в смысле ФГШ) предлагается вернуться (отказавшись от расширительной трактовки этого термина, восходящей к А. А. Реформатскому), то термин «словообразование» в том смысле, какой придавала ему ФГШ, нельзя не признать безнадежно устаревшим, так что его реставрация в наше время была бы неосуществимой утопией.

С позиций НСтрП, оптимальным решением было бы трактовать эту сферу — морфологическое выражение номинативных значений (в ортодоксально-«фортунатовской» терминологической традиции это так называемые «формы словообразования») — как сферу «номинативной деривации»: здесь компонент «номинативный» в данном случае восходит к терминологии А. А. Зализняка³⁰, а компонент «деривация» — к терминологии А. В. Бондарко³¹.

Тем самым НСтрП относится к числу таких концепций, в которых используются оба термина («словоизменение» и «формообразование»)³², причём объёмы соответствующих им понятий не совпадают. В этом отношении НСтрП оказывается ближе к тем концепциям, которые вместо обсуждаемой дихотомии предлагают трихотомию: «словообразование» vs. «формообразование» vs. «словоизменение» (В. В. Виноградов³³, Е. С. Кубрякова³⁴, А. В. Бондарко³⁵, В. Б. Евтюхин³⁶).

²⁶ Здесь мы не углубляемся подробно в данную проблематику; см. [Крылов и Старостин 2003].

²⁷ Об этой дихотомии см., напр., [Реформатский 1947: 87]; [Реформатский 1960: 215]; [Реформатский 1967: 261]; [Реформатский 1996: 140]; Демьянков 1994: 91–96; Мельчук 1997: 278–282; Плунгян 2000: 120–124; Перцов 2001: 69–107; Поливанова 2013: 60.

²⁸ Вслед за Р. А. Будаговым (Будагов 1958: 209), Ю. С. Масловым (Маслов 1975; Маслов 1987: 145) и В. Б. Касевичем (Касевич 1977: 65–68; Касевич 2011: 65–68).

²⁹ В концепции ФГШ, как известно, «словоизменение» (понимаемое как выражение синтаксических связей и функций в грамматической форме слова) вполне логично противопоставляется «словообразованию» (понимаемому как выражение различий между предметами действительности в грамматической форме слова), так как объём понятия «словообразования» охватывает, в частности, например, число существительного. См., напр., Фортунатов 1901/1956: 155; Ушаков 1928/2004: 68; Аванесов-Сидоров 1945: 70–71; Кузнецов 1960: 42–43; Булыгина 1980: 326; Янко-Триницкая 1989: 4; Шмелёв-Булыгина 1997: 20.

³⁰ См. Зализняк 1967: 23–26; Зализняк 1973/2002: 618–620.

³¹ См. Бондарко 1976: 100–110.

³² См, напр., Живов 1990, Зализняк 1990, Зализняк 1997; Зализняк 2015. Ср., напр., Моисеев 1980: 97, где эти термины понимаются как эквивалентные.

³³ См. Виноградов 1944/1975: 37, 43; Виноградов 1947: 39–40.

³⁴ См. Кубрякова 1974: 180–181, 190–192, 199, 208, 210–211, 227, 230, 232–235, 237, 288–291, 293, 308–311, 318, 322; Кубрякова 1976.

³⁵ См. Бондарко 1974; Бондарко 1976; Бондарко 1997; Бондарко 2017.

³⁶ См. Евтюхин 2013: 17–18.

Однако НСтрП оказывается не тождествен этим концепциям, так как они исходят из того, что сферы словообразования и словоизменения в принципе не пересекаются, между тем как НСтрП исходит из противоположного принципа: так, феномены субстантивации (*столовая, полицейский, мороженое*), конверсии по роду (морфологическому — *маркиз/маркиза, супруг/супруга*; и синтаксическому — *сирота, зануда*) и лексикализации грамматических форм (*полностью, опрочью, босиком, нагишом*) трактуются в рамках НСтрП как проявления именно такого пересечения.

§ 1. Попытка непосредственного сопоставления НСтрП с предшествующими ему подходами.

§ 1.0.1. Исходный материал в концепции А. А. Зализняка и в НСтрП: ядро и периферия

Исходным материалом в концепции А. А. Зализняка (то есть, точнее говоря, в работах РИС и ГСЗ³⁷) фактически послужил:

(а) в версии 1967 (РИС) — словник АО (по сути, орфоэпического словаря РЯ) (в его склоняемой части);

(б) в версии 1977/1980/1987 (ГСЗ) — словник АО целиком (слегка дополненный);

(в) в версии 2003/2008 (ГСЗ-2003) — то же, плюс некоторый составленный автором ГСЗ словник имён собственных.

В НСтрП опорным материалом фактически послужил материал некоторых корпусов русского языка, в особенности Генерального корпуса русского языка (восходящего к Уппсальскому корпусу). Различием в характере и составе опорного материала объясняются и определённые различия в описании морфологии РЯ.

Так, в НСтрП, помимо тех классов, которые выделяются в ГСЗ-2003 последней версии (**ядром** служит множество «канонических» словоформ, включая имена собственные), представлены такие «**периферийные**» классы единиц³⁸, как «заглавные аббревиатуры» (*США, РФ, СССР, ЦК, ОАО, СМИ, МВД, ООН, КПСС, ПВО, КГБ, СНГ, НАТО, ООО, ЮКОС, ЗАО, КИРФ ...*), в том числе «инициалы собственных имён и имён-отчеств», «строчные аббревиатуры» (*млн, млрд, мм, кг, л, мл, га ...*), «иноязычные языковые единицы» (*alibi, merci, mobile, perpetuum, casus, belli, Ordnung, ИМНО, ...*), «части слов» (*авто-, мото-, -этажный, не-, анти-*), «цифровые комплексы» (*2019, 1917, 1945, ½, 2/3, 66%, 50%, 100%, 2*3, 2+1, 2*2=4, ...*), «цифробуквенные комплексы» (*Формула-1, ЭТАП-2, АГ-70, РГ-80, ...*)³⁹.

³⁷ Вообще говоря, в поздних работах А. А. Зализняка (например, ДНД-1998 и ДНД-2003) представлен также и корпусный (точнее, корпусно-филологический) подход к формированию исходного материала.

³⁸ Заслуживают ли эти периферийные единицы (широко представленные в реальных русских письменных текстах) того, чтобы их удостоивали такого почётного звания, как «словоформы» и «лексемы» — вопрос сугубо схоластический. ИМНО, это во всяком случае удобно.

³⁹ Ср., напр., близкий подход в системе ПОЛИТЕКСТ (Леонтьева 2006: 58).

Так как эти единицы преимущественно неизменяемые⁴⁰, то, на первый взгляд, их можно было бы вообще игнорировать в описании русского словоизменения.

Заметим, однако, что, например, в ГСЗ лексемы неизменяемых частей речи включены в рассмотрение, хотя и имеют «вырожденную» (тривиальную одночленную) парадигму. Несклоняемые имена (существительные и прилагательные) также имеют «вырожденную» (тривиальную омонимичную с тавтологичными друг другу членами), но это не препятствует их включению в ГСЗ на правах самостоятельных словарных статей.

Думается, что причина такой «рассогласованности» информации лежит на поверхности: дело в том, что словник ГСЗ опирался на отечественную лексикографическую традицию, а она предполагает, что неизменяемые части речи и неизменяемые слова включаются в состав словника, а прочие периферийные единицы — не включаются.

Теперь можно оставить периферийные единицы вне зоны нашего рассмотрения и перейти к разбору более нетривиальных теоретических различий между трактовками.

§ 1.0.2. О логике изложения принципов НСтрП на фоне РИС и ГСЗ

Сопоставляя логические основания РИС и ГСЗ с логическими основаниями НСтрП, целесообразно оставить в стороне те сходства, которые существуют между ними, и осветить именно различия между ними, чтобы сделать изложение более «контрастивным».

§ 1.1. Общие основания теории грамматических категорий русского языка

Обсуждая связь номинативных элементов значения («семантическая одушевлённость» vs. «семантическая неодушевлённость», «единичность» vs. «множественность») с синтаксическими («синтаксическая одушевлённость» vs. «синтаксическая неодушевлённость»), а также «подчинённых» падежей с «подчиняющими», А. А. Зализняк квалифицирует эту связь как «сопряжённость» (РИС, с. 30).

С точки зрения НСтрП ни в одной из указанных пар сопряжённости нет, в силу общего принципа парадигматической асимметрии языкового знака (в данном случае — словоформы). В частности:

(а) Семантическая одушевлённость (ответ на вопрос «кто?») может сочетаться с синтаксической неодушевлённостью (*народ, государство, общество, организация, комитет, партия* и т. п.; *жёлтый жилет* и т. п.; *ветер, ты можуч...; море смеялось...*); и наоборот, семантическая неодушевлённость (ответ на вопрос «что?») может сочетаться с синтаксической одушевлённостью (*спортсмен прыгает через коня, через козла; шахматист взял ферзя, слона, коня...*).

⁴⁰ Ср., впрочем, такие периферийные подклассы изменяемых единиц, как *-этажного, -любимы, 3-го, 5-му* ...

(б) Семантическая единичность может сочетаться с синтаксическим множественным числом (*Афины, Сокольники, сливки, щи*), и наоборот, семантическая множественность может сочетаться с синтаксическим единственным числом (*двадцать один рубль, каждый охотник желает знать..., Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта; любой начальник окружает себя подхалимами*)

(в) в рамках концепции РИС и ГСЗ сопряжённости между «подчиняющим» и «подчинённым» падежом нет, так как количество подчинённых падежей больше, чем количество подчиняющих падежей: у прилагательных не различаются «родительный первый» и «родительный второй» (*выпил крепк-ого ча-я/ча-ю*); далее, у прилагательных не различаются «предложный первый» и «предложный второй» (*вспомнил о густ-ом лес-е и живёт в густ-ом лес-у*); поэтому для описания падежа прилагательных достаточно шестипадежной системы, но тем самым количество «подчиняющих» падежей существительного тоже на два падежа меньше.

§ 1.2. Объём понятия «расширенная парадигма» в НСтрП (на фоне РИС)

Исключительно важное значение для ТРГ имеет понятие «расширенной парадигмы», введённое А. А. Зализняком в книге РИС (с. 30–31). Расширенная парадигма некоторой лексики, в отличие от просто «парадигмы» (или «собственно парадигмы»), включает, помимо синтетических форм, также и аналитические. Однако сам автор эксплицитно оговаривает, что в его концепции русского словоизменения понятие расширенной парадигмы применяется лишь к сфере глагольного словоизменения, а в сфере именного словоизменения не используется вовсе (с. 31)⁴¹.

Между тем НСтрП экстраполирует понятие «расширенной парадигмы» в сферу имени, включая в объём «расширенной парадигмы», наряду с падежными, также и т. н. «предложно-падежные» формы имени.

§ 1.3. Интерпретация дихотомии «словоизменительных» («формообразовательных», «собственно грамматических»)

vs. «классифицирующих» («лексико-грамматических») грамматических категорий в НСтрП на фоне трактовки этой дихотомии в других концепциях

Как известно, характерной особенностью «структуралистского» периода в отечественной теории грамматики (и, соответственно, в ТРГ) является подразделение грамматических категорий на два класса — «словоизменительные»⁴²

⁴¹ Причины такого ограничения автором не обсуждаются; однако, ИМНО, эти причины очевидны и состоят в нежелании порывать со всей отечественной и мировой грамматической традицией (как известно, не признающей аналитических (составных) форм имени, за исключением уникальных отклонений типа *друг друга* или *ни ... чём, ни ... кого, не ... кому*).

⁴² Смирницкий 1955б: 213; Зализняк 1967: 31; Плотникова 1970: 303; Плотникова 1980: 454; Милославский 1981: 26; Лопатин 1990: 115; Булыгина-Крылов 1990а: 216.

(они же «собственно грамматические»⁴³, они же «формообразовательные»⁴⁴, они же формообразующие⁴⁵, они же «модифицирующие»⁴⁶) vs. «(слово)классифицирующие»⁴⁷ (они же «лексико-грамматические»⁴⁸, они же «несловоизменяемые»⁴⁹ они же «классификационные»⁵⁰). По первым слово может изменяться, а по вторым — нет.

В отечественной грамматической традиции эта дихотомия получила широкое распространение благодаря работам А. И. Смирницкого первой половины 1950-х гг.

Затем она была терминологически уточнена в работе А. А. Зализняка «РИС» (1967)⁵¹. В дальнейшем данная дихотомия (с некоторыми незначительными проявлениями терминологического варьирования) получила широкое распространение в отечественном языкознании — как в общей лингвистике⁵², так и в русистике⁵³.

Заметим, что дихотомия «словоизменяемых» vs. «классифицирующих» грамматических категорий представляет собой частный случай более общей дихотомии «переменных» vs. «постоянных» признаков частей речи⁵⁴.

А именно, все «классифицирующие» категории относятся к числу так называемых «постоянных» признаков соответствующей части речи (и целиком вкладывается в него), а все «словоизменяемые» категории относятся к числу так называемых «переменных» признаков соответствующей части речи.

При этом набор «переменных признаков» соответствующей части речи в точности равен набору её «словоизменяемых» категорий, то есть никаких других «переменных» признаков у соответствующей части речи не существует.

Что касается набора «постоянных признаков» соответствующей части речи, то он шире, нежели набор её «классифицирующих» категорий, так как включает принадлежность данной лексемы к тому или иному лексико-грамматическому разряду.

Вместе с тем некоторые теоретики уже отмечали, что упомянутая дихотомия излишне упрощает и огрубляет языковую реальность.

Так, Ю. С. Маслов (на материале болгарского языка) предложил среди категорий «словоизменяемого» типа выделять две разновидности: категории,

⁴³ Смирницкий 1954; Смирницкий 1955а; Смирницкий 1955б: 213; Смирницкий 1959.

⁴⁴ Маслов 1975: 160; Маслов 1987: 127.

⁴⁵ Касевич 1977: 65–66; Касевич 2011: 68–69.

⁴⁶ См. Булыгина-Крылов 1990а: 216.

⁴⁷ Смирницкий 1955б: 213; Зализняк 1967: 31; Милославский 1981: 26; Лопатин 1990: 115; Булыгина-Крылов 1990а: 216.

⁴⁸ Смирницкий 1954; Смирницкий 1955а; Смирницкий 1959.

⁴⁹ См. Плотникова 1980: 454; Лопатин 1990: 115.

⁵⁰ См. Лопатин 1990: 115.

⁵¹ Наиболее глубокое обсуждение данной дихотомии (в контексте общей лингвистики 1970-х гг.) содержится в основополагающей статье О. Г. Ревзиной (Ревзина 1973: 16–48).

⁵² См., напр., Маслов 1975: 160; Маслов 1987: 127; Касевич 1977: 65–66; Касевич 2011: 68–69; Плузган 2000: 124–127.

⁵³ См., напр., Плотникова 1970: 303; Плотникова 1980: 451–457; Милославский 1981: 26.

⁵⁴ См., напр., Буланин 1976: 25–26; Литневская 2000, Багрянцева и др. 2006.

вполне независимые от лексики, например, род и число прилагательных, и категории, не являющиеся вполне независимыми от лексики, например число существительных, степени сравнения прилагательных, вид глагола (Маслов 1959: 167, 172).

Вскоре эта концепция оказала влияние на ТРГ. А именно, А. В. Бондарко в работе 1976 г. предложил перейти от дихотомии (бинарного различения) «словоизменяемых» vs. «(слово)классифицирующих» категорий пользоваться более гибким концептуальным инструментом — трихотомией (тернарным противопоставлением) степеней «коррелятивности»⁵⁵.

В его концепции выделяются не две, а три степени такой коррелятивности: (1) «последовательная коррелятивность»; (2) «непоследовательная коррелятивность» (3) «некоррелятивность» (или «отсутствие коррелятивности»)⁵⁶.

Такие категории, как число существительных, степени сравнения прилагательных, вид и залог глагола, он относит именно ко второму, переходному типу — «непоследовательно коррелятивному».

Более того, в концепции А. В. Бондарко *de facto* используется даже ещё несколько более гибкое и тонкое (конкретнее, четырёхчленное, или «квартирное») противопоставление. А именно, внутри первого из вышеприведённых классов («последовательной коррелятивности») проводится ещё дополнительное разбиение на два подкласса: а именно:

«Среди последовательно коррелятивных морфологических категорий можно выделить две подгруппы: 1) категории с лексически необусловленной парадигмой (род, число и падеж прилагательных, а также падеж существительных); 2) категории с частичной лексической обусловленностью парадигмы (время, наклонение, лицо, число и род глаголов)» (Бондарко 1976а: 78).

Таким образом, А. В. Бондарко на исходную дихотомию (1) по возможности/невозможности коррелятивности («коррелятивные» vs. «некоррелятивные» категории) как бы налагает ещё две дополнительные дихотомии: (2) по последовательности коррелятивности («последовательная» vs. «непоследовательная» коррелятивность); (3) по степени зависимости парадигмы от лексики («категории с частичной лексической обусловленностью парадигмы» vs. «категории

⁵⁵ Бондарко 1976а: 76–99. В дальнейшем концепция «степеней коррелятивности» повлияла на теорию русской грамматики; см., напр., Камынина 1999: 17; Евтюхин 2013: 36–39.

⁵⁶ Характеризуя эту третью (в рамках эксплицитно выдвинутой А. В. Бондарко «тернарной» концепции — минимальную) степень коррелятивности как «некоррелятивность» (или «отсутствие коррелятивности»), А. В. Бондарко фактически несколько сужает само понятие коррелятивности, то есть наличие «словообразовательных корреляций» (или «деривационных корреляций») в его концепции позволяет усматривать в этих случаях «словообразовательную соотносительность» (Бондарко 1976: 82), но ещё не даёт права говорить о «коррелятивности». Этим его концепция отличается от НСтрП, где между терминами «коррелятивность» и «соотносительность» не усматривается содержательных различий. Поэтому та степень коррелятивности, которую А. В. Бондарко трактует как минимальную, соответствует в русле концепции НСтрП не «отсутствие коррелятивности» (как в концепции А. В. Бондарко), а «отсутствие альтернативной коррелятивности» (совместимое с наличием деривационной коррелятивности).

с лексически необусловленной парадигмой»), в результате чего фактически выделяются (суммарно) уже не 3, а 4 степени коррелятивности:

0. Минимальная степень коррелятивности (по А. В. Бондарко, это «некоррелятивные категории», так что в его концепции эта минимальная степень трактуется как нулевая, условно «0»): род существительных.

1. Непоследовательная коррелятивность (этому классу присуща высокая степень зависимости парадигмы от лексики): число существительных, вид и залог глагола, степени сравнения прилагательных.

2. Последовательная коррелятивность:

2А. Последовательная коррелятивность с частичной лексической обусловленностью парадигмы (лицо, наклонение, время, число и род глаголов).

2Б. Последовательная коррелятивность с лексически необусловленной парадигмой (падеж существительных, род, число и падеж прилагательных).

Обе модификации исходной дихотомии, выдвинутые А. В. Бондарко, представляются вполне совместимыми с НСтрП; соответственно, различия между выделенными им (фактически четырьмя) степенями коррелятивности, несомненно, проводятся также в рамках НСтрП. Заметим, однако, что если взглянуть на классификацию степеней коррелятивности А. В. Бондарко с точки зрения «апофатической» логики, то она должна быть пополнена ещё двумя классами «степеней коррелятивности».

В морфологической концепции А. В. Бондарко проводится различие (дихотомия) между (1) собственно «грамматическими категориями» vs. «оппозициями лексико-грамматических разрядов»⁵⁷, а также (2) между «грамматическими категориями» и «формально-структурной согласовательной стороной».

Первая дихотомия (между собственно «грамматическими категориями» vs. «оппозициями лексико-грамматических разрядов») как таковая налицо и в других морфологических концепциях (в частности, и в НСтрП), однако специфика концепции А. В. Бондарко состоит в том, что противопоставление «одушевлённых» существительных «неодушевлённым» он трактует лишь как «оппозицию лексико-грамматических разрядов», а не как «грамматическую категорию».

Комментируя концепцию степеней коррелятивности, В. Б. Евтюхин отмечает: «В данную классификацию можно внести добавления. Если трактовать одушевлённость — неодушевлённость в качестве морфологической категории, то она входит в рубрику некоррелятивных категорий»⁵⁸. Так как имеется в виду (само собой разумеется) «одушевлённость — неодушевлённость» существительных (а не согласуемых с ними определений), то замечание (уточнение) В. Б. Евтюхина представляется совершенно справедливым. Но к этому замечанию, в свою очередь, следует сделать некоторое уточнение (оговорку): ведь из этого замечания следует, что степень коррелятивности «одушевлённости — неодушевлённости» существительных (в трактовке В. Б. Евтюхина) будет ровно такая же, как степень коррелятивности категории «рода» существительных, а именно — нулевая.

⁵⁷ См. Бондарко 1976а: 155–203.

⁵⁸ См. Евтюхин 2013: 38.

Между тем «степень коррелятивности» категории одушевлённости — неодушевлённости существительных интуитивно представляется действительно минимальной (хотя и не нулевой!), но при этом на несколько порядков меньшей, чем «степень коррелятивности» категории рода существительных.

Во-первых, сам А. В. Бондарко признаёт наличие гендерно-родовых корреляций (хотя и трактует их в качестве «деривационных» или «словообразовательных»), тогда как корреляций существительных по одушевлённости не усматривает в принципе вообще.

Во-вторых, интуитивно очевидно, что как члены «гендерно-родовых пар» типа *Иванов* [masc.] vs. *Иванова* [fem.], так и члены «родовых троек» типа *Иванов* [masc.] vs. *Иванова* [fem.] vs. *Иваново* [neutr.], встречаются в любых корпусах русских текстов на несколько порядков чаще, чем члены корреляций по одушевлённости типа *редактор* [anim.] vs. *редактор* [inanim.], *корректор* [anim.] vs. *корректор* [inanim.], *переводчик* [anim.] vs. *переводчик* [inanim.].

Интуитивно ощущается неравномощность между категориями рода и одушевлённости (по отношению к степеням коррелятивности). Именно эту неравномощность (интуитивно ощущаемую носителями русского языка) хотелось бы отразить при формализации (теоретическом моделировании) «степеней коррелятивности».

Таким образом, de facto к тем четырём типам (и фактически степеням) коррелятивности грамматических категорий, которые выделяет А. В. Бондарко, следовало бы (в рамках апофатической логики рассуждений) добавить ещё «пятый» класс «0'» — те степень коррелятивности тех противопоставлений, которые А. В. Бондарко исключает из сферы «грамматических категорий», относя их к сфере лишь «оппозиций лексико-грамматических разрядов», и отнести к этому классу «0'» степень коррелятивности оппозиции «лексико-грамматических разрядов одушевлённых vs. неодушевлённых существительных».

Вторая дихотомия (между «грамматическими категориями» и «формально-структурной согласовательной стороной» оппозиции лексико-грамматических разрядов) при НСтрП интерпретируется как различие между разными степенями абстракции, то есть соотношение общего понятия («грамматических категорий» как широкого обобщающего понятия) и частного понятия (например, такого, как «контролирующие [// подчиняющие] согласовательные грамматические категории существительных», «контролируемые [// подчинённые] согласовательные грамматические категории прилагательных», «контролируемые [// подчинённые] согласовательные грамматические категории анафорических местоимений-существительных», «контролируемые [// подчинённые] согласовательные грамматические категории анафорических местоимений-прилагательных»).

Поэтому при НСтрП к числу именно таких частных понятий принадлежат такие понятия, как

(а) «классификационная контролирующая (по потенциальному согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости существительных» (ср. *видел больш-ой дом* vs. *видел больш-ого медведя*),

(б') «модификационная контролируемая (по атрибутивному согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости прилагательных и причастий» (ср. *выдвигать определённых лиц / определённые лица*),

(б'') «модификационная контролируемая (по анафорическому согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости местоимений-существительных» (ср. *Врач осмотрел его всего vs. Врач осмотрел его весь*),

(б''') «модификационная контролирующая (по потенциальному атрибутивному согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости местоимений-существительных» (ср. пример, иллюстрирующий пункт (б'')),

(б'''') «модификационная контролируемая (по атрибутивному согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости любых местоимений-прилагательных» (ср. *выдвигать эти-х лиц / эти-о лица*).

В случае (а) степень коррелятивности оппозиции — приблизительно та же, что в «пятом» классе оппозиций, то есть «оппозиций лексико-грамматических разрядов» (то есть меньше, чем минимальная — по А. В. Бондарко, как бы нулевая, — из выделяемых А. В. Бондарко четырёх степеней коррелятивности).

В случаях (б'), (б''), (б'''), (б'''') степень коррелятивности этих оппозиций — напротив, ровно та же, которая является максимальной из четырёх степеней коррелятивности, выделяемых в концепции А. В. Бондарко (а именно, степень 2Б — «последовательная коррелятивность с лексически необусловленной парадигмой»). Таким образом, В. Б. Евтюхин опять же совершенно прав, констатируя, что «признание существования в русском языке адъективной категории одушевлённости — неодушевлённости (...) влечёт за собой отнесение её к рубрике последовательно коррелятивных категорий»⁵⁹.

Однако «апофатическая» логика изложения заставляет включить этот пункт в классификацию степеней коррелятивности А. В. Бондарко, так как оппозиции словоформ, относящиеся к «формально-структурной согласовательной стороне» оппозиции лексико-грамматических разрядов, А. В. Бондарко не относит ни к грамматическим категориям, ни к оппозициям лексико-грамматических разрядов, а потому и степень коррелятивности этих оппозиций должна быть отдельным пунктом в общей классификации степеней коррелятивности (2Б').

Таким образом, если «спроецировать» на сферу «грамматических категорий» русского языка (выделяемых в рамках НСтрП) все те различия, которые проводятся между разными степенями коррелятивности по А. В. Бондарко, то в результате формируется такая картина:

«Минимальная» степень коррелятивности (по А. В. Бондарко) (0):

(0'). Коррелятивность «оппозиций лексико-грамматических разрядов» (по А. В. Бондарко), свойственная различию между одушевлёнными и неодушевлёнными существительными;

(0''). Коррелятивность оппозиции по грамматическому роду (хотя, по А. В. Бондарко, эта оппозиция характеризуется лишь деривационной словообразовательной корреляцией между формами разных лексем);

⁵⁹ См. Евтюхин 2013: 39.

(1). Непоследовательная коррелятивность: число существительных, вид и залог глагола, степени сравнения прилагательных.

2. Последовательная коррелятивность.

2А. Последовательная коррелятивность с частичной лексической обусловленностью парадигмы (лицо, наклонение, время, число и род глаголов).

2Б. Последовательная коррелятивность с лексически необусловленной парадигмой (падеж существительных, род, число и падеж прилагательных).

Обратим внимание на специфику трактовки степеней коррелятивности в НСтрП.

С одной стороны, минимальная степень коррелятивности не является совсем уж «нулевой», так как в рамках класса (0') налицо коррелятивность (хотя и окказиональная) оппозиций по грамматической одушевлённости vs. неодушевлённости в случаях «минимальных пар» типа:

читал поздн-его Энгельс-а [человека //автора] vs. *приехал в приволжск-ий Энгельс-о* [город];

попросить ответствен-ого редактор-а [человека] vs. *использовать компью-терн-ый редактор-о* [программное средство];

читаю пресловут-ого «Крокодил-а» [сказку или повесть] vs. *читаю пресловут-ый «Крокодил-о»* [журнал],

Мне надоело смотреть на эт-от пен-ь [обрубок //торчащий из земли остаток срубленного или спиленного дерева] vs. *Мне надоело смотреть на эт-ого пн-я* [тупого или бесчувственного мужчину //чурбана //бестолкового человека]

Мы делаем ставку на знаменитый эталон-о [чего=то] vs. *Мы делаем ставку на знаменит-ого Эталон-а* [жеребца]

и т. п., а также полностью регулярную последовательную окказиональную коррелятивность оппозиции по грамматической одушевлённости в конструкциях типа *идти (отдать) в солдат-ы*⁶⁰

Ещё выше степень коррелятивности типа (0^н) по грамматическому роду, в том числе по морфолого-синтаксическому роду (ср. *Павлов-о* vs. *Павлов-а*) и по синтаксическому роду (ср. *бедн-ый сирота* vs. *бедн-ая сирот-а*)⁶¹.

⁶⁰ И. А. Мельчук весьма убедительно показывает предпочтительность трактовки, согласно которой признак синтаксической и морфологической (то есть суммарно, в итоге, грамматической) одушевлённости существительного в таких конструкциях (а также в конструкциях *силой ровно в три медведя*) функционирует не как постоянная характеристика существительного, а как его переменная характеристика (Мельчук 1980а/1995а; Мельчук 1980б/1995б; Мельчук 1981/1995). Таким образом, в трактовке коррелятивности по грамматической одушевлённости в этих конструкциях НСтрП вполне созвучен взглядам И. А. Мельчука.

⁶¹ По мнению ряда авторов (напр., А. В. Бондарко), данная оппозиция (тракуемая им как словообразовательная корреляция лексико-грамматических разрядов существительных со значением пола) имеет (в отличие от грамматической категории рода) бинарный (а не тернарный) характер (Бондарко 1976а: 82). На первый взгляд это замечание кажется как будто бы справедливым и адекватным по отношению к фактам русского языка, так как контр-примеры типа *первое, второе, третье, сладкое, горячее* (со значением «блюдо») могут трактоваться как лексикализованные и потому непродуктивные. Однако, ИМНО, включение в исходный материал таких обширных классов существительных, как собственные имена (включая фамилии и имена населённых

С другой стороны, также и максимальная (в понимании А. В. Бондарко — полная) степень коррелятивности (свойственная падежу существительных, а также роду, числу и падежу прилагательных) вполне совместима с выполнением соответствующей граммемой классификационных функций в случае лексикализации этой граммемы.

С точки зрения НСтрП, некоторая (хотя и незначительная количественно) степень лексической обусловленности имеет место в следующих классах случаев, так что даже максимальная коррелятивность фактически не является 100 %-но «полной». В пользу этого положения можно привести нижеследующие аргументы.

Во-первых, частичная лексическая обусловленность парадигмы, образуемой граммемой «рода прилагательных» (или «адъективного рода») налицо в хорошо известных случаях так называемой субстантивации прилагательных, когда лексикализируются граммемы мужского рода (*рабочий, учёный, полицейский...*), женского рода (*столовая, парикмахерская, гостиная, ванная, горничная...*), или среднего рода (*животное, мороженое, насекомое*), традиционно трактуемых как существительные адъективного типа склонения.

Во-вторых, частичная лексическая обусловленность парадигмы, образуемой граммемой «числа прилагательных» (или «адъективного числа») налицо в хорошо известных случаях субстантивации прилагательных, когда лексикализируются граммемы множественного числа (*белые, чёрные* [участники шахматной игры], *красные, зелёные, коричневые...* [участники политических или революционных движений], *чаевые, подъёмные, отпускные* [деньги] и т. п.), традиционно трактуемых как существительные адъективного типа склонения.

В-третьих, частичная лексическая обусловленность парадигмы, образуемой граммемой «падежа прилагательных» (или «адъективного падежа») (сопровождаяемая к тому же одновременной лексикализацией граммемы адъективного рода и адъективного числа) налицо в хорошо известных случаях «адвербиализации» («онаречивания») прилагательных, когда лексикализируются граммемы косвенных падежей с предлогами (*в открытую, на боковую, на мировую,*

пунктов), заставляет усомниться в стопроцентной адекватности этого суждения всей широкой совокупности фактов русского языка. А именно, модель, по которой построены имена населённых пунктов — бывших «сёл» типа *Вознесенское, Рождественское, Покровское*, безусловно, принадлежит к числу сверхпродуктивных, а потому встающей в один ряд с моделями образования мужских и женских фамилий. Образно выражаясь, в русском языке есть «как бы фамилии» (или «квази-фамилии») среднего рода, носителями которых являются населённые пункты (фактически бывшие или настоящие «сёла»), что позволяет трактовать корреляцию рода существительных не только как бинарную (включающую «мужские» vs. «женские» фамилии), но и как тернарную (включающую также «квази-фамилии» бывших или настоящих «сёл», принадлежащие к среднему роду). Вообще говоря, в терминологии НСтрП вся область «сверхпродуктивных» образований целиком принадлежит сфере формообразования (а не «словообразования»), так как языковые единицы, создаваемые по сверхпродуктивным моделям (= по «композициональным» правилам, как приятно говорить в традициях математической логики), должны по определению считаться грамматическими, а не лексическими.

на попятную, на скорую руку, во всю Ивановскую, на босу ногу, средь бела дня и т. п.)⁶².

В-четвёртых, частичная лексическая обусловленность парадигмы, образующей граммемой «падежа существительных» (или «субстантивного падежа») наличию в хорошо известных случаях «адвербиализации» («онаречивания») существительных, когда лексикализуются граммемы творительного падежа (*утр-ом, дн-ём, вечер-ом, ноч-ью, зим-ой, весн-ой, лет-ом, осен-ью, пор-ой, времен-ами, без-ом, наскок-ом, косяк-ом, рысц-ой, рыс-ью, трусц-ой, верх-ом, низ-ом, бок-ом, круг-ом, перед-ом, зад-ом, чуд-ом, толк-ом, порожняк-ом, навал-ом, залп-ом, добр-ом, черед-ом, молодц-ом, голыш-ом, миг-ом, опп-ом, крест-ом, пирожк-ом, ёжик-ом, бобр-ом, петушк-ом, калачик-ом, солдатик-ом, дорог-ой, сил-ой, толп-ой, част-ью, вол-ей-невол-ей* и т. п.). Ср. также случаи «окончательной» адвербиализации творительного падежа типа *опромет-ью, полност-ью, босик-ом, нагиш-ом, прямик-ом, пешк-ом, тайк-ом, целик-ом, особняк-ом, живь-ём* и т. п., традиционно трактуемые как наречия.

Понятие коррелятивности и представление о существовании нескольких степеней лексической обусловленности парадигм, введённые А. В. Бондарко в теорию русской грамматики как дискретные дихотомии (или трихотомии), в русле концепции НСтрП переосмыслиются как недискретные скалярные признаки, допускающие градуирование.

При этом полезно различать следующие (вообще говоря, количественно измеримые) параметры.

1а. реальную (актуальную) функцию S_i (классификационную vs. модификационную) конкретного вхождения данной граммемы G_i в конкретную словоформу W_i , входящую в конкретный текст T_n .

1б. суммарное абсолютное количество Q_p вхождений G_i в конкретный текст T_n (или в корпус текстов K_m), выполняющих функцию S_i (классификационную vs. модификационную).

⁶² Ещё выше частотность (встречаемость) лексикализации предложно-падежных форм (так называемой адвербиализации) в устной форме русского языка. Как известно, дефисное написание предложно-падежных форм типа *по-старому, по-нынешнему, по-моему, по-своему, по-нашему, по-лошадиному, по-хорошему, по-прежнему, по-дорожному, по-трактирному, по-праздничному, по-книжному, по-домашнему, по-будничному, по-видимому* узаконено уже два века тому назад (Греч 1827), хотя Ф. И. Буслаев предлагал писать их слитно (Буслаев 1858), а Я. К. Грот — раздельно (Грот 1873), а ведь в устной форме русского языка степень фонетической раздельности/слитности этих форм за последние два века ничуть не изменилась. Если речь идёт об описании русского языка в его устной форме, то, безусловно, к лексикализованным предложно-падежным формам прилагательных можно было бы отнести как дефисно пишущиеся формы типа *во-первых, во-вторых, в-третьих, ... по-русски, по-немецки, по-молодецки, по-свойски, по-волчи ...*; так и слитно пишущиеся формы типа *вкрутую, вплотную, наудалую, зачастую, всухую*. В любом случае возможность тройного выбора написания (слитного, дефисного и раздельного) не спасает теоретика от необходимости тем или иным образом всё-таки решать проблему трактовки синхронного статуса лексикализованных форм, так как они реально существуют в языке.

1в. долю Q_r (относительное количество) Q_p в конкретном тексте T_n протяжённости L_n (или в корпусе текстов K_m протяжённости L_m)⁶³.

2а. потенциальную (виртуальную) функцию S_j (классификационную vs. модификационную) данной граммы G_j , входящую в абстрактную словоформу W_j , являющуюся представителем лексемы L_j как единицы словаря D_d .

2б'. суммарную словарную мощность данной граммы G_j , определяемую как суммарное количество Q_a вхождений G_i в конкретный словарь D_d .

2б''. долю Q_b (относительное количество) Q_a в конкретном словаре D_d объёма L_n

2в'. суммарное абсолютное количество Q_c вхождений G_i в конкретный словарь D_d , выполняющих функцию S_i (классификационную vs. модификационную).

2в''. долю Q_c (относительное количество) Q_c в конкретном словаре D_d объёмом L_r ⁶⁴.

Следует обратить внимание на то, что параметры «2а-2в''» носят принципиально чисто металингвистический характер, то есть адекватность суждений об объективно существующей реальности языка, основывающихся на этих параметрах, носит сугубо условный характер, так как в немалой степени зависит от того, какая конкретная модель лексики (то есть какой конкретный словарь, будь он «бумажным» или «электронным») взят за основу подсчётов. Например, в отечественной лексикографической традиции (в отличие от некоторых других традиций) собственные имена не принято включать в словник «языковых» («лингвистических») словарей (в отличие от «энциклопедических» словарей). Поэтому, например, «фамилии» (как и «квази-фамилии» населённых пунктов) в них отсутствуют; и в результате этого трактовка субстантивного рода в качестве классифицирующей категории никем⁶⁵ не ставится под сомнение. Кроме того, конкретные «бумажные»

⁶³ На привлечении корпусных данных может базироваться аргументация в пользу признания «словоизменительного vs. (слово)классифицирующего» характера некоторой грамматической категории. Так, именно на материале фактов НКРЯ строится аргументация в пользу признания словоизменительного характера грамматической категории глагольного вида в русском языке, приводимая в работах Е. В. Горбовой (в противовес трактовке В. С. Храковского), см. Горбова 2015: 20–25; Горбова 2019: 61–72.

⁶⁴ Фактически при решении дилеммы «словоизменительного vs. (слово)классифицирующего» характера грамматической категории в спорных случаях нередко прибегают именно к критерию количественных оценок относительной (процентной) словарной мощности «модификационной» vs. «классификационной» функции граммы. Так, напр., аргументация в пользу трактовки русского глагольного вида как «(слово)классифицирующей» категории в работе [Храковский 2018: 111–114] (в противовес концепции Е. В. Горбовой) основана фактически именно на критерии количественной оценки словарной мощности.

⁶⁵ Ср., однако, аргументацию в пользу допустимости трактовки рода как словоизменительной категории существительного (на материале литовского языка) (Булыгина 1970: 32–33) и даже предпочтительности такой трактовки применительно к семантически одушевлённым существительным (на материале французского языка) (Гак 1986: 79–86; Гак 2000: 67–69), а также развитие аналогичной трактовки для русского языка (Крылов 1997; Крылов 2002: 734–736; Spenser 2002). Ср. замечание А. Д. Шмелёва: «обычно считается, что род для имен существительных — словоклассифицирующая категория и что фамилии относятся к существительным. Этому явно противоречит представление, согласно которому при заключении брака можно «взять фамилию мужа»

словари бывают разного объёма (обычно диапазон этого объёма колеблется примерно между 10^3 и 10^6 вокабул), поэтому и результаты измерения словарной мощности тех или иных классов слов в значительной мере зависят от этого объёма, то есть от субъективности лексикографа.

Принципиально иной эпистемологический (//гносеологический) характер носят параметры «1а-1в»: измерение узуса по частотным словарям, разумеется, зависит от такого субъективного фактора, как избирательность лингвиста, составляющего корпус; но такая избирательность (и сопутствующая ей субъективность) имеет свои пределы и ограничена преимущественно диапазоном жанрово-стилистической принадлежности текстов корпуса; поэтому между частотными словарями равного объёма наблюдается, как правило, довольно высокий процент совпадения как в составе словника, так и в количественных характеристиках языковых единиц, являющихся объектами подсчётов. Практически реальные корпуса стремятся к одному и тому же идеалу, основанному на жанрово-стилистическом разнообразии текстов и на соответствии этого разнообразия диапазону форм так называемого «языкового существования»⁶⁶. Поэтому понятие «идеального» // оптимального корпуса (и тем самым «идеального» // оптимального частотного словаря) хотя и весьма утопично, однако всё-таки не в такой степени, как понятие «идеального // оптимального не-частотного словаря» (каковое уже запредельно утопично).

Литература

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1. М.: Учпедгиз, 1945. 234 с.

Алпатов В. М. Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания. М.: ЯСК, 2017. 520 с.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 302 с.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика [1974]. М.: ЯРК, 1995а. 472 с.

Арутюнова Н. Д., Уфимцева А. А. (отв. ред.). Аспекты семантических исследований. М. Наука, 1980. 357 с.

Багрянцева В. А. и др. Русский язык. Учебное пособие для школ гуманитарного профиля. Изд. 2-е. М.: Изд-во МГУ, 2006. 560 с.

Бидер И. Г., Большаков И. А. Формализация морфологического компонента модели «Смысл ↔ Текст». I. Постановка проблемы и основные понятия. Изв. АН СССР, Техническая кибернетика, 1976, № 6. С. 42–57.

и фамилия берется в особой, женской форме, не совпадающей с мужской, и при этом женская форма не считается «другой» фамилией» (Шмелёв 2019: 47–48).

⁶⁶ О понятии языкового существования см., напр., Алпатов 2017: 134.

Бидер И. Г., Большаков И. А. Формализация морфологического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». II. Общие основы оптимизации морфологического компонента модели «Смысл ⇔ Текст» // Изв. АН СССР. Техническая кибернетика. 1977. № 1. С. 66–75.

Богданов С. И. (отв. ред.). Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 634 с.

Богданов С. И. и др. Морфология современного русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.- 640 с.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5-е, исправленное. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 356 с.

Болла К., Палл Э., Панн Ф. Курс современного русского языка. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. 669 с.

Бондарко А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 3–14.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, ЛО, 1976а. 255 с.

Бондарко А. В. К интерпретации одушевлённости-неодушевлённости, разрядов пола и категории рода // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976б. С. 25–39.

Бондарко А. В. Формообразование // Караулов (отв. ред.) 1997. С. 604–605.

Бондарко А. В. Формообразование // Кравец (отв. ред.) 2017. 487 с.

Бородина М. А. К вопросу об аналитической морфологии французского языка // *Жирмунский - Суник* (отв. ред.) 1963. С. 192–199.

Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М.: Учпедгиз, 1958. 435 с.

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Л.: Наука, 1976. 207 с.

Булыгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме) // *Жирмунский В. М., Арутюнова Н. Д.* (отв. ред.). 1970. С. 7–70.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. 287 с.

Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // *Аспекты семантических исследований.* М.: Наука, 1980. С. 320–355. (= *Булыгина & Шмелёв 1997: 15–44*).

Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Буслав Ф. И. Часть 2. Синтаксис. Глава 1, III.1. Расстановка и соединение слов на письме // *Опыт исторической грамматики русского языка* Пособие для преподавателей. СПб., 1858. С. 106–111.

Виноградов В. В. О формах слова (1944) // *Виноградов 1975.* С. 33–50.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. 784 с.; 2-е изд., М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков) (1952) // *Виноградов* 1975. С. 166–220.

Виноградов 1952/1953. Виноградов В. В. (отв. ред.) Грамматика русского языка. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952/1953. 720 с.

Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986.- 312 с.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., Добросвет, 2000. 832 с.

Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? // *Вопросы языкознания*. 2015. № 1. С. 7–38.

Горбова Е. В. Имперфективируемость русских приставочных перфективов (на примере *про-* и *у-*глаголов) // *Вопросы языкознания*. 2019. № 1. С. 58–74.

Греч Н. И. Часть 5. Орфография, или правописание. Главы 1–3 // *Греч Н. И.* Пространная русская грамматика. СПб., 1827. С. 505–561.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // *Грот Я. К.* Филологические разыскания. СПб., 1873. С. 459–468.

Демьянков В. З. Морфологическая интерпретация текста и её моделирование. М.: Изд. Московского ун-та, 1994. 206 с.

Дурново Н. Н. Грамматический словарь. М.–Петроград: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. 154 с.

Евтюхин В. Б. Введение в морфологию // *Богданов С. И. и др.* 2013: 5–76.

Еськова Н. А., Мельчук И. А., Санников В. З. Формальная модель русской морфологии. I. Формообразование существительных и прилагательных // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 15. М.: Институт русского языка АН СССР, 1971. С. 1–71.

Еськова Н. А., Большаков И. А., Бидер И. Г. Формальная модель русской морфологии. I. // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 111. М.: Институт русского языка АН СССР, 1978а. С. 1–48.

Еськова Н. А., Большаков И. А., Бидер И. Г. Формальная модель русской морфологии. II. // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 112. М.: Институт русского языка АН СССР, 1978б. С. 1–59.

Живов В. М. Формообразование // *Ярцева* (отв. ред.) 1990. 558 с.

Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // *Жирмунский, Суник* 1965. С. 5–57. (= *Жирмунский* 1976: 82–125).

Жирмунский В. М., Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1970. 387 с.

Жирмунский В. М., Суник О. П. (отв. ред.). Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1963. 291 с.

Жирмунский В. М., Суник О. П. (отв. ред.). Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1965. 343 с.

Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, ЛО, 1976. 695 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.

Зализняк А. А. (отв. ред.). Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973а.

Зализняк А. А. (отв. ред.). Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М.: Наука, 1973б.

Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // *Зализняк 1973а*. С. 50–70.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1977.

Зализняк А. А. Словоизменение // *Ярцева* (отв. ред.). 1990. 467 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Зализняк А. А. Словоизменение // *Караулов* (отв. ред.) 1997. С. 499–500.

Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по общему языкознанию и русскому языку. М.: ЯСК, 2002. 749 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Изд. 4., исправленное и дополненное. М.: Русские словари, 2003. 795 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, переработанное с учётом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк А. А. Словоизменение // *Кравец* (отв. ред.). 2015. 445 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I. Братислава, 1954. 386 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960. 577 с.

Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 240 с.

Караулов Ю. Н. (отв. ред.) Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия — Дрофа, 1997. 703 с.

Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка. М.: Госиздат, 1928. 112 с.

Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка // *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. М.: ЯСК, 2000. С. 97–204.

Карцевский С. И. Система русского глагола // *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. Т. 2. М.: ЯСК, 2004. С. 27–205.

Карцевский С. И. О структуре русского существительного // *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. Т. 1. М.: ЯСК, 2000. С. 59–70.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку: Учебное пособие. 4-е издание. — АСТ-ПРЕСС КНИГА Москва, 2010. — 400 с.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Крысин Л. П., Львов М. Р., Николина Н. А., Федосюк М. Ю. Русский язык: Учебник для студентов высшего профессионального образования. Москва: Академия, 2011. 784 с.

Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 183 с.

Касевич В. Б. Введение в языкознание. М.-СПб.: Академия, 2011. 230 с.

Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ, 1948, № 2 (см. также: Кацнельсон 1986).

Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. I. Из истории атрибутивных отношений. М.; Л., 1949.

Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, ЛО, 1986.

Копецкий Л. В. Лекции по фонетике и морфологии русского языка. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965. 301 с.

Князев Ю. П. Морфологический строй русского языка и направления его эволюции // Богданов С. И. и др. 2013: С. 585–596.

Кравец С. Л. (отв. ред.) Большая Российская энциклопедия. Том 30 («Сен-Жерменский мир 1679» — «Социальное обеспечение»). М.: Большая Российская Энциклопедия, 2015. 767 с.

Кравец С. Л. (отв. ред.) Большая Российская энциклопедия. Том 33 («Уланд» — «Хватцев»). М.: Большая Российская Энциклопедия, 2017. 799 с.

Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Studia linguarum. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 252–315.

Крылов С. А. Автоматический морфологический анализ русских словоформ с префиксальным отрицанием: Несколько теоретических проблем // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог-2000. Материалы международной конференции: В 2 т. Т. 2. Протвино, 2000. С. 220–225.

Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Зализняка 1967/2002, с. 699–748.

Крылов С. А., Старостин С. А. Актуальные задачи морфологического анализа и синтеза в интегрированной информационной среде StarLing // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог-2003 (Протвино, 11–16 июня 2003 г.). Материалы международной конференции: М., 2003. С. 354–360.

Крылов С. А. Особенности общеграмматической концепции Ю. С. Маслова // Риехакайнен Е. И., Чуйкова О. Ю. (сост.). Конференция, посвященная 150-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета: тезисы. СПб.: «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), 2013. С. 73–76.

Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М.: Наука, 1974. 319 с.

Кубрякова Е. С. О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 35. 1976. № 6. С. 514–526.

Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М.: Изд-во МГУ, 1961. 100 с.

Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В. Современный русский язык: учебник для академического бакалавриата, 5-е издание. Москва: Юрайт, 559 с.

Леонтьева Н. Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. М.: Академия, 2006. 304 с.

Литневская Е. И. Русский язык: краткий теоретический курс. М.: МГУ, 2000. 487 с.

Литневская Е. И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка. М.: Академический проект, 2006. 590 с.

Лопатин В. В. Словообразование имён прилагательных // Шведова 1980. С. 269–333.

Лопатин В. В. Грамматическая категория // Ярцева 1990. С. 115–116.

Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 181–183.

Маслов Ю. С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка. Вопросы языкознания. 1968. №4. С. 69–79. (= Маслов 2004, с. 650–665).

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. 327 с.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.

Маслов Ю. С. Избранные труды по общему языкознанию. Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. 839 с.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Ч. I. Семантика, синтаксис. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 314 с.

Мельчук И. А. О падеже числового выражения в русских словосочетаниях типа (больше) на два мальчика или по трое больных // *Russian Linguistics*. 1980. 5: 1. С. 55–77. [английский перевод см.: *Forum Linguisticum*, 1981, 6:2, p. 117–140.]

Мельчук И. А. О падеже существительного в русской конструкции типа идти в солдаты // *Svantevit*, 1980, 5: 1/2. С. 5–32.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Пер. с франц. М.: ЯСК, 1997. 401 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. Морфологические значения. Пер. с франц. М. — Вена: ЯРК — WSA. Sonderband 38/2, 1998. 543 с.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 284 с.

Моисеев А. И. Русский язык : Фонетика. Морфология. Орфография. Пособие для учителей. 2-е изд., переработанное. — М. : Просвещение, 1980. — 255 с.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: ЯСК, 1999. 275 с.

Панов М. В. Русский язык // *Виноградов В. В.* (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1965.

Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: ЯСК, 2001. 279 с.

Петерсон М. Н. Современный русский язык. М.: Госиздат, 1925. 77 с.

Плотникова В. А. Морфология // *Шведова 1970*: 302–485.

Плотникова В. А. Морфология. Введение // *Шведова 1980а*: 451–457.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС, 2003. 384 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Поливанова А. К. Выбор числовых форм существительных в русском языке [1983] // Поливанова 2008. С. 38–52.

Поливанова А. К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Язык логики и логика языка. М.: ЯСК, 1990. С. 41–69.

Поливанова А. К. Общее и русское языкознание. Избранные работы. М.: РГГУ, 2008 (= Смирнов И. С. (отв. ред.). *Orientalia et classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XVII).

Поливанова А. К. Формальная парадигматика и классы слов в русском языке [2001] // Поливанова 2008. С. 167–180.

Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 765 с.

Ревзина О. Г. Общая теория грамматических категорий // Зализняк (ред.) 1973 а. С. 5–38.

Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Проблема частей речи в современной лингвистике // Лингвотипологические исследования. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1975.

Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Труды Института языкознания АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955а.

Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: ИЛ, 1955б.

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: ИЛ, 1959.

Степанов Ю. С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966. 272 с.

Супрун А. Е. Части речи в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 135 с.

Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. М.: Работник просвещения, 1928. 151 с.

Храковский В. С. И опять о «болевых точках» категории вида // Вопросы языкознания, 2018. № 1. С. 105–118.

Финкель А. М., Баженов Н. М. Современный русский язык. Изд. 2-е. Харьков: Наука, 1954. 552 с.

Шведова Н. Ю. Имя прилагательное // Виноградов 1952/1953. С. 281–367.

Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Грамматика русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 757 с.

Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: ЯСК, 1980. 783 с.

Шведова Н. Ю. Имя прилагательное // Грамматика русского языка. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952/1953. С. 281–367.

Шмелёв А. Д. Когда и как можно исправлять ошибки в грамматических описаниях? // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов международной конференции памяти Андрея Анатольевича Зализняка. М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 47–48.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке [1927] // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. — М. : Русский язык, 1982. — 246 с.

Якобсон Р. О структуре русского глагола [1932] // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 210–221.

Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол [1957] // Успенский Б. А. (отв. ред.), Ревзина О. Г. (сост.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

Ярцева В. Н. (отв. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

Яхонтов С. Е. Классы глаголов и падежное оформление актантов // Храковский В. С. (отв. ред.). Проблемы теории грамматического залога. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 102–108.

Garde P. Grammaire russe. I. Phonologie. Morphologie. 2-e ed. Paris: Klincksieck, 1980. 462 p.

Garde P. Des parties du discours, notamment en russe // Garde P. Le mot, l'accent, la phrase: études de linguistique slave et générale, publié sous la direction de Rémi Camus. Paris : Institut d'études slaves, 2006. P. 225–244.

Isačenko A. W. Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I. Formenlehre. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1962. 706 S.

Mel'čuk I. A. Animacy in Russian Cardinal Numerals and Adjectives as an Inflectional Category // *Language*, 1980, 56: 4, p. 797–811.

Spencer A. Gender as an inflectional category // *Journal of Linguistics*, 38(2). 2002. P. 279–312.

Timberlake A. A reference grammar of Russian. N.Y: Cambridge University Press, 2004. 503 p.

Sergej A. Krylov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

krylov-58@mail.ru

**EXPERIENCE OF COMPARISON OF APPROACHES TO THE
DISTINGUISHING OF GRAMMATICAL CLASSES OF WORDS
AND GRAMMATICAL CATEGORIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE.**

**Part I. (§ 0. Introductory remarks. § 1. An attempt to directly compare
the neostructuralist approach with the traditional approaches preceding it)**

Several alternative approaches to the definition of grammatical words classes and grammatical categories in Russian are compared in the article. The main ideas of the neostructuralist approach are compared with other concepts:

- (a) the “canonical” point of view of modern Russian studies;
- (b) different versions of “traditional” theories;
- (c) the “formal grammar school” of the 1920s;
- (d) the conception of A. A. Zaliznyak and other grammarians of the 20th century.

The introduction considers the following dichotomies:

- (1) grammar of spoken vs. written language;
- (2) morphology vs. syntax;
- (3) synthetism vs. grammatical analyticism: “narrowly formal” vs. “extended formal” interpretation;
- (4) “inflectional” vs. “agglutinative” morphology;
- (5) “inflection” vs. “word formation”.

Section I considers dichotomies that make up the logical basis of the neo-structuralist approach to grammatical description (in comparison mainly with the conception of A. A. Zaliznyak):

- (0) different approaches (vocabulary vs. corpus) to compiling “source material”;
- (1) nominative vs. syntactical elements of meaning;
- (2) regular (synthetic) vs. extended paradigms;
- (3) inflectional vs. classifying grammatical categories.

When discussing the third dichotomy, the neo-structuralist approach is also compared with A. V. Bondarko’s concept of degrees of correlation. In addition to

- (a) a dichotomy (binary division) between “correlation” vs. “non-correlativeness”, he suggested introducing more detailed subdivisions:
- (b) “consistent” vs. “inconsistent” correlation and
- (c) three degrees of “lexical conditioning of the paradigm”:
- (c’) the “lexically unconditioned paradigm”,
- (c”) “partial lexical conditioning of the paradigm”, and
- (c’’) “a high degree of lexical conditioning of the paradigm”.

The concepts of degrees of correlation allow for projection onto two additional areas: (1) the opposition of lexical and grammatical categories; (2) the opposition of syntactic forms that make up the “formal-structural concordant side” of lexical-grammatical categories.

Within the neo-structuralist approach, there is (I) compatibility of so-called “non-correlativeness” (actually minimal correlation) with the existence of minimal pairs that form grammatical oppositions; (II) compatibility of the so-called “consistent correlation” with the lexicalization of grammemes.

Keywords: grammeme, Russian language, grammatical category, grammatical form, quasigrammeme, inflectivity, synthetism, agglutination, analyticism, grammatical meaning, lexicalization, grammaticalization, analytical forms, paradigm, inflection, form-building, parts of speech, grammatical categories.

References

Avanesov R.I., Sidorov V.N. *Ocherk grammatiki russkogo literaturnogo yazyka. Chast' 1.* [Essay of the grammar of the Russian standard language]. Part 1. Moscow, Uchpedgiz, 1945. 234 p. (In Russ.)

Alpatov V.M. *Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniya* [Japan studies. Theory of language. Sociolinguistics. History of linguistics.]. Moscow, YaSK, 2017. 520 s. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki.* [Principles and methods of contemporary structural linguistics]. Moscow, «Prosveshchenie» Publ., 1966. 302 p. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika <1974>* [Selected works. Vol. 1. Lexical semantics] <1974>. Moscow, YaRK, 1995a. 472 p. (In Russ.)

Arutyunova N.D., Ufimtseva A. A. (ed.). *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [Aspects of semantic studies]. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. 357 p. (In Russ.)

Bagryantseva V. A. et al. *Russkii yazyk. Uchebnoe posobie dlya shkol gumanitarnogo profilya. Izd. 2-e.* [Russian language. Textbook for humanitarian schools. 2nd ed.]. Moscow, MGU, 2006. 560 s. (In Russ.)

Bider I.G., Bol'shakov I.A. Formalizatsiya morfologicheskogo komponenta modeli «Smysl Û Tekst». I. Postanovka problemy i osnovnye ponyatiya [Formalization of the morphological component of the “Meaning Û Text” model. I. Statement of the problem and basic concepts]. *Izv. AN SSSR. Tekhnicheskaya kibernetika*, 1976, no. 6, pp. 42–57. (In Russ.)

Bider I.G., Bol'shakov I.A. Formalizatsiya morfologicheskogo komponenta modeli «Smysl Û Tekst». II. Obshchie osnovy optimizatsii morfologicheskogo komponenta modeli «Smysl Û Tekst». [Formalization of the morphological component of the “Meaning Û Text” model. II. General principles for optimizing the morphological component of the “Meaning Û Text” model]. *Izv. AN SSSR. Tekhnicheskaya kibernetika*, 1977, no. 1, pp. 66–75. (In Russ.)

Bogdanov S.I. (ed.). *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Morphology of the modern Russian language: a textbook for higher education]. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU [Department of Philology and Arts], 2009. 634 p. (In Russ.)

Bogdanov S.I. (ed.). *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Morphology of the modern Russian language: a textbook for higher education]. SPb.: *Filologicheskii fakul'tet SPbGU* [Department of Philology] 2013.- 640 p. (In Russ.)

Bogoroditskii V. A. *Obshchii kurs russkoi grammatiki. Izd. 5-e, ispravlennoe.* [General course of Russian grammar. Ed. 5th corrected]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1935. 356 p. (In Russ.)

Bolla K., Pall E., Papp F. *Kurs sovremennogo russkogo yazyka.* [Modern Russian language course]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. 669 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. Formoobrazovanie, slovoizmenenie i klassifikatsiya morfolo-gicheskikh kategorii. [Form-building, inflection and classification of morphological categories]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1974, no. 2, p. 3–14. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Teoriya morfolo-gicheskikh kategorii* [Theory of morphological categories]. Leningrad, Nauka, LO, 1976a. 255 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. K interpretatsii odushevlenosti-neodushevlenosti, razryadov pola i kategorii roda [To the interpretation of animateness-inanimateness, categories of gender and category of gender] // *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy morfologii slavyanskikh i balkanskikh yazykov*. [Slavic and Baltic Linguistics. Problems of morphology of Slavic and Baltic languages]. Moscow, 1976b, pp. 25–39. (In Russ.)

Bondarko A. V. Formoobrazovanie [Form-building] // Karaulov (ed.) 1997: P. 604–605. (In Russ.) // Karaulov (ed.) 1997, pp. 604–605. (In Russ.)

Bondarko A. V. Formoobrazovanie [Form-building] // Kravets (ed.) 2017. 487 p. (In Russ.) // Kravets (ed.) 2017. 487 p. (In Russ.)

Borodina M. A. K voprosu ob analiticheskoi morfologii frantsuzskogo yazyka [On the analytical morphology of the French language] // Zhirmunskii & Sunik (ed.) 1963, pp. 192–199. (In Russ.)

Budagov R. A. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow, Uchpedgiz, 1958. 435 p. (In Russ.)

Bulanin L. L. *Trudnye voprosy morfologii* [Difficult problems of morphology]. Lenin-grad, «Nauka» Publ., 1976. 207 p. (In Russ.)

Bulygina T. V. Morfolo-gicheskaya struktura slova v sovremennom litovskom liter-aturnom yazyke (v ego pis'mennoi forme) [Morphological word structure in Modern Lithuanian (in its written form)] // Zhirmunskii & Arutyunova (ed.) 1970, pp. 7–70. (In Russ.)

Bulygina T. V. *Problemy teorii morfolo-gicheskikh modelei* [Problems of the theory of morphological models]. Moscow, Nauka, 1977. 287 p. (In Russ.)

Bulygina T. V. Grammaticheskie i semanticheskie kategorii i ikh svyazi [Grammatical and semantic categories and their connections] // Arutyunova & Ufimtseva (ed.) 1980, pp. 320–355. (In Russ.)

Buslaev F. I. Chast' 2. Sintaksis. Glava 1, III.1. Rasstanovka i soedinenie slov na pis'me [Part 2. Syntax. Chapter 1, III.1. Arrangement and connection of words in the writing] // *Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo yazyka Posobie dlya prepodavatelei* [An attempt of historical grammar of the Russian language. A manual for teachers]. St. Petersburg, 1858, pp. 106–111. (In Russ.)

Finkel' A. M., Bazhenov N. M. *Sovremennyi russkii yazyk. Izd. 2-e* [Modern Russian. 2nd ed.]. Khar'kov, Nauka, 1954. 552 p. (In Russ.)

Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. Morfolo-giya. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [The theoretical Grammar of French. Morphology. 2nd ed., revised and completed]. M.: Vysshaya shkola, 1986.- 312 s.

Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [The theoretical Gram-mar of French]. Moscow, «Dobrosvet» Publ., 2000. 832 p. (In Russ.)

Garde P. *Grammaire russe*. I. Phonologie. Morphologie. 2-e ed. Paris: Klincksieck, 1980. 462 p.

Garde P. Des parties du discours, notamment en russe // Garde P. *Le mot, l'accent, la phrase: études de linguistique slave et générale, publié sous la direction de Rémi Camus*. Paris, Institut d'études slaves, 2006, pp. 225–244.

Gorbova E. V. Vidoobrazovanie russkogo glagola: prefiksatsiya i/ili suffiksatsiya? [Aspectual formation of Russian verb: prefixation and/or suffixation?]. *Voprosy yazykoznanija*, 2015, no. 1, pp. 7–38. (In Russ.)

Gorbova E. V. Imperfektiviruemost' russkikh pristavochnykh perfektivov (na primere pro- i u-glagolov) [Imperfectivability of Russian prefixal perfectives (the case of pro- and u-verbs)]. *Voprosy yazykoznanija*, 2019, no. 1, pp. 58–74. (In Russ.)

Grech N. I. Chast' 5. Orfografiya, ili pravopisanie. Glavy 1–3 [Part 5. Orthography, or spelling. Chapters 1–3]. Grech N. I. *Prostrannaya russkaya grammatika* [Extensive Russian grammar]. St. Petersburg, 1827, pp. 505–561. (In Russ.)

Grot Ya. K. Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great to the present] // Grot Ya. K. *Filologicheskie razyskanya* [Philological research]. St. Petersburg, 1873, pp. 459–468. (In Russ.)

Dem'yankov V. Z. *Morfologicheskaya interpretatsiya teksta i ee modelirovanie*. [Morphological interpretation of a text and its modelling] Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1994. 206 p. (In Russ.)

Durnovo N. N. *Grammaticheskii slovar'* [Grammar dictionary]. M.–Petrograd: L. D. Frenkel' Publ., 1924. 154 p. (In Russ.)

Evtyukhin V. B. Vvedenie v morfologiyu [Introduction to morphology] // Bogdanov S. I. & al. 2013: pp. 5–76. (In Russ.)

Es'kova N. A., Mel'chuk I. A., Sannikov V. Z. Formal'naya model' russkoi morfologii. I. Formoobrazovanie sushchestvitel'nykh i prilagatel'nykh [A formal model of the Russian Morphology. I. Formation of nouns and adjectives]. *Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii*. [The researching group of experimental and applied Linguistics. Preliminary publications. Iss. 15.]. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1971, pp. 1–71. (In Russ.)

Es'kova N. A., Bol'shakov I. A., Bider I. G. Formal'naya model' russkoi morfologii. I. [A formal model of the Russian Morphology. I.]. *Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii*. [The researching group of experimental and applied Linguistics. Preliminary publications. Iss. 111.]. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1978a, pp. 1–48. (In Russ.)

Es'kova N. A., Bol'shakov I. A., Bider I. G. Formal'naya model' russkoi morfologii. II. [A formal model of the Russian Morphology. II.]. *Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii* [The researching group of experimental and applied Linguistics. Preliminary publications. Iss. 112.]. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1978b, pp. 1–59. (In Russ.)

Zhivov V. M. Formoobrazovanie [Form-building] // Yartseva (ed.) 1990. 558 p. (In Russ.)

Zhirmunskii V.M. Ob analiticheskikh konstruksiyakh [About analytical constructions] // Zhirmunskii & Sunik (ed.) 1965, pp. 5–57. (= Zhirmunskii 1976: 82–125). (In Russ.)

Zhirmunskii V.M., Arutyunova N.D. (ed.). *Morfologicheskaya struktura slova v in-doevropeskikh yazykakh* [Morphological word structure in Indo-European languages]. Moscow, Nauka, 1970. 387 p. (In Russ.)

Zhirmunskii V.M., Sunik O.P. (otv.red.) *Analiticheskie konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical constructions in languages of different types]. Moscow; Leningrad, «Nauka» Publ., 1965. 343 p. (In Russ.)

Zhirmunskii V.M. *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic linguistics]. Leningrad, «Nauka» Publ., LO, 1976. 695 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. [Russian Nominal Inflection.]. Moscow, «Nauka» Publ., 1967. 370 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. (ed.). *Problemy grammaticheskogo modelirovaniya* [Problems of grammatical modeling]. Moscow, «Nauka» Publ., 1973a. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. (ed.). *Strukturno-tipologicheskie issledovaniya v oblasti grammatiki slavyanskikh yazykov* [Structural and typological research in the field of grammar of Slavic languages]. Moscow, «Nauka» Publ., 1973b. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka*. [Grammatical Dictionary of the Russian language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1977. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. Slovoizmenenie [Inflection] // Yartseva (ed.), 1990. 467 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. [The Ancient Novgorod Dialect]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., 1995. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. Slovoizmenenie [Inflection] // Karaulov (ed.). 1997, pp. 499–500. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. «*Russkoe imennoe slovoizmenenie*» s prilozheniem izbrannykh rabot po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku. [“Russian Nominal Inflection” with the application of selected works on general Linguistics and the Russian language]. Moscow, YaSK, 2002. 749 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Izd. 4., ispravlennoe i dopolnennoe* [Grammatical Dictionary of the Russian language] Ess. 4., corrected and supplemented. Moscow, Russkie slovari, 2003. 795 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt. Izd. 2-e, pererabotannoe s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* [The Ancient Novgorod Dialect. 2nd ed., revised taking into account the material of finds 1995–2003]. Moscow, «Yazyki slavyanskoj kul'tury» Publ., 2004. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. Slovoizmenenie [Inflection] // Kravets (ed.) 2015. 445 p. (In Russ.)

Isachenko A.V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya. Ch. I.* [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak language. Morphology. Part I]. Bratislava, 1954. 386 p. (In Russ.)

Isachenko A.V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya. Ch. II.* [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak language. Morphology. Part II]. Bratislava, 1960. 577 p. (In Russ.)

Isačenko A. W. *Die russische Sprache der Gegenwart*. Teil I. Formenlehre. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1962. 706 p.

Kamynina A. A. *Sovremennyi russkii yazyk. Morfologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov*. [Modern Russian language. Morphology: A manual for students of philological departments of state universities] M.: *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Publishers], 1999.- 240 p.

Karaulov Yu. N. (otv. red.) *Russkij yazyk. Enciklopediya* [Russian language]. 2-e izd. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya — Drofa, 1997. 703 p.

Kartsevskii S. I. *Povtoritel'nyi kurs russkogo yazyka*. [Revision course of Russian.] Moscow, Gosizdat, 1928. 112 p. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *Iz lingvisticheskogo naslediya*. [From linguistic heritage.] Vol. 1. Moscow, YaSK, 2000a. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *Iz lingvisticheskogo naslediya*. [From linguistic heritage.] Vol. 2. Moscow, YaSK, 2004. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *Povtoritel'nyi kurs russkogo yazyka* [Revision course of Russian.] [1928] // Kartsevskii 2000a, pp. 97–204. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *Sistema russkogo glagola* [The system of Russian verb] // Kartsevskii 2004, pp. 27–205. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *O strukture russkogo sushchestvitel'nogo* [On the structure of Russian noun] // Kartsevskii 2000. P. 59–70. (In Russ.)

Kasatkin L. L., Klobukov E. V., Lekant P. A. *Kratkii spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku: Uchebnoe posobie. 4-e izdanie*. [A brief guide to the modern Russian language: textbook. 4th edition.] — M.: AST-PRESS KNIGA, 2010. — 400 p.

Kasatkin L. L., Klobukov E. V., Krysin L. P., L'vov M. R., Nikolina N. A., Fedosyuk M. Yu. *Russkii yazyk: Uchebnik dlya studentov vysshego professional'nogo obrazovaniya*. [Russian language: Textbook for students of higher professional education]. M.: Akademia, 2011.- 784 s.

Kasevich V. B. *Elementy obshchei lingvistiki* [Elements of general linguistics]. Moscow, «Nauka» Publ., GRVL, 1977. 183 p.

Kasevich V. B. *Vvedenie v yazykoznanie*. [Introduction to linguistics]. Moscow–St. Petersburg, 2011. 230 p.

Katsnel'son S. D. *O grammaticheskoi kategorii* [On Grammatical Category]. *Vestnik LGU*, 1948, no. 2 (see also : Katsnel'son 1986). (In Russ.)

Katsnel'son S. D. *Istoriko-grammaticheskie issledovaniya. I. Iz istorii atributivnykh otnoshenii*. [Historical and grammatical studies. I. From the history of attributive relations]. Moscow, Leningrad, 1949. (In Russ.)

Katsnel'son S. D. *Obshchee i tipologicheskoe yazykoznanie. [General and typological Linguistics]* [General and typological Linguistics]. Leningrad, 1986. (In Russ.)

Khrakovskii V. S. *I opyat' o «bolevykh tochkakh» kategorii vida* [Aspect's "sore points" revisited once more]. *Voprosy yazykoznanija*, 2018, № 1. pp. 105–118. (In Russ.)

Knyazev Yu. P. Morfologicheskii stroi russkogo yazyka i napravleniya ego evolyutsii [Morphological structure of the Russian language and the direction of its evolution] // Bogdanov S. I. & al. 2013: pp. 585–596.

Kopetskii L. V. *Lektsii po fonetike i morfologii russkogo yazyka*. [Lectures on the Phonetics and Morphology of the Russian language]. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965. 301 p. (In Russ.)

Krylov S. A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» A. A. Zaliznyaka tridtsat' let spustya: Opyt retrospektivnoi retsenzii s pozitsii neostrukturalistskoi morfologii [«Russian nominal inflection» by A. A. Zaliznyak thirty years later: the experience of retrospective review from the standpoint of neo-structural morphology]. *Studia linguarum*. Moscow, RGGU [Russian State University of Humanities], 1997, pp. 252–315. (In Russ.)

Krylov S. A. Avtomaticheskii morfologicheskii analiz russkikh slovoform s prefiksalmym otritsaniem: Neskol'ko teoreticheskikh problem [Automatic morphological analysis of Russian word-forms with the prefixal negation: several theoretical problems]. «*Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Dialog-2000. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*»: V 2 t. T. 2. [“Computational Linguistics and intellectual technologies. Dialog-2000”. Proceedings of the international conference: V. 2]. Protvino, 2000, pp. 220–225. (In Russ.)

Krylov S. A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» A. A. Zaliznyaka tridtsat' let spustya: Opyt retrospektivnoi retsenzii s pozitsii neostrukturalistskoi morfologii [«Russian nominal inflection» by A. A. Zaliznyak thirty years later: the attempt of retrospective review from the standpoint of neo-structuralist morphology] // Zaliznyak 1967/2002, pp. 699–748. (In Russ.)

Krylov S. A., Starostin S. A. Aktual'nye zadachi morfologicheskogo analiza i sinteza v integrirovannoi informatsionnoi srede StarLing [Actual problems of morphological analysis and synthesis in the integrated information environment StarLing]. «*Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Dialog-2003. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*» [Computational Linguistics and intellectual technologies. Dialog-2003 (Protvino, June, 11–16, 2003). Proceedings of the international conference]. Moscow, 2003, in 2 vol. Vol. 2, pp. 354–360. (In Russ.)

Krylov S. A. Osobennosti obshchegrammaticheskoi kontseptsii Yu. S. Maslova [Features of Yu. S. Maslov's general grammatical framework] // Riehakainen E. I., Chuikova O. Yu. (ed.). *Konferentsiya, posvyashchennaya 150-letiyu Kafedry obshchego yazykoznaniya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: tezisy* [Conference dedicated to the 150th anniversary of the Department of General Linguistics of St. Petersburg State University: highlights.]. St. Petersburg, «Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet», 2013, pp. 73–76. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *Osnovy morfologicheskogo analiza* [Fundamentals of morphological analysis]. Moscow, «Nauka» Publ., 1974. 319 p. (In Russ.)

Kubryakova E. S. O formoobrazovanii, slovoizmenenii, slovoobrazovanii i ikh sootnoshenii [About form-building, inflection, word-formation and their relations] // *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. T. 35. 1976, No. 6, pp. 514–526. (In Russ.)

Kuznetsov P. S. *O printsipakh izucheniya grammatiki* [On the principles of the study of grammar]. Moscow, MGU, 1961. 100 p. (In Russ.)

Lekant P. A., Dibrova E. I., Kasatkin L. L., Klobukov E. V. *Sovremennyi russkii yazyk: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata, 5-e izdanie*. [Modern Russian: A Textbook for Academic Baccalaureate, 5th Edition.]. Moskva: Yurait.- 559 p.

Leont'eva N. N. *Avtomaticheskoe ponimanie tekstov: sistemy, modeli, resursy* [Automatic understanding of texts: systems, models, resources]. Moscow, Akademiya, 2006. 304 p. (In Russ.)

Litnevskaya E. I. *Russkii yazyk: kratkii teoreticheskii kurs* [The Russian language: a short theoretical course]. Moscow, MGU, 2000. 487 p. (In Russ.)

Litnevskaya E. I., Bagryantseva V. A. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka* [Russian language teaching methodic]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2006. 590 p. (In Russ.)

Lopatin V. V. *Slovoobrazovanie imen prilagatel'nykh* [Word-formation of the Adjectives]. // Shvedova 1980, pp. 269–333. (In Russ.)

Lopatin V. V. *Grammaticheskaya kategoriya* [The Grammatical category] // Yartseva 1990, pp. 115–116. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Glagol'nyi vid v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke (znachenie i upotreblenie)* [Verbal aspect of the modern Bulgarian standard language. (its meaning and use)] // *Problemy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [The problems of Grammar of the Bulgarian standard language]. Moscow, 1959, pp. 181–183. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [An introduction to Linguistics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1975. 327 p. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie. 2-e izd.* [An introduction to Linguistics. 2nd ed.]. Moscow, Vysshaya shkola, 1987. 272 p. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl Ū Tekst». Ch. I. Semantika, sintaksis* [An attempt of theory of «Meaning Ū Text» linguistic models. Part I. Semantics, syntax.] Moscow, «Nauka» Publ., GRVL, 1974. 314 p. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. Animacy in Russian Cardinal Numerals and Adjectives as an Inflectional Category. *Language*, 1980, 56: 4, p. 797–811.

Mel'chuk I. A. O padezhe chislovogo vyrazheniya v russkikh slovosochetaniyakh tipa (bol'she) na dva mal'chika ili po troe bol'nykh [About the case of the numerative expression in Russian word combinations like (bol'she) na dva mal'chika or po troe bol'nykh]. *Russian Linguistics*, 1980a, 5: 1, pp. 55–77 [English translation see: *Forum Linguisticum*, 1981, 6:2, pp. 117–140] (In Russ.)

Mel'chuk I. A. O padezhe sushchestvitel'nogo v russkoi konstruktsii tipa IDTI V SOLDATY [About the case of noun in the Russian construction like idti v soldaty]. *Svantevit*, 1980b, 5: 1/2, pp. 5–32. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. I. Vvedenie. Per. s frants* [A Course of General Morphology. Vol. I. Introduction] Transl. from French]. Moscow, YaSK, 1997. 401 p. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. II. Morfologicheskie znacheniya. Per. s frants.* [A Course of General Morphology. Vol. II. Morphological meanings.] Transl.

from French]. Moscow — Vena: YaRK — WSA. Sonderband 38/2, 1998. 543 p. (In Russ.)

Miloslavskii I. G. *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka* [Morphological categories of modern Russian language]. Moscow, «Prosveshchenie» Publ., 1981. 284 s. (In Russ.)

Moiseev A. I. *Russkii yazyk : Fonetika. Morfologiya. Orfografiya. Posobie dlya uchitelei. 2-e izd., pererab.* [Russian language: Phonetics. Morphology. Spelling. A manual for teachers. 2nd ed., Revised.]. — M. : Prosveshchenie, 1980. — 255 s.

Panov M. V. *Russkii yazyk* [The Russian language]. Vinogradov V. V. (ed.) *Yazyki narodov SSSR. T. 1. Indoevropeiskie yazyki.* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. 1. Indo-European languages]. Moscow, «Nauka» Publ., 1965. (In Russ.)

Panov M. V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of Russian]. Moscow, YaSK, 1999. 275 p. (In Russ.)

Pertsov N. V. *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in the Russian inflection.]. Moscow, YaSK, 2001. 279 p. (In Russ.)

Peterson M. N. *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian]. Moscow, Gosizdat, 1925. 77 p. (In Russ.)

Plotnikova V. A. *Morfologiya* [Morphology] // Shvedova 1970, pp. 302–485. (In Russ.)

Plotnikova V. A. *Morfologiya. Vvedenie* [Morphology. Introduction] // Shvedova 1980a, pp. 451–457. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku. Izd. 2-e, ispr.* [General Morphology. Introduction to the issue. 2nd ed., correct.]. Moscow, URSS, 2003. 384 p. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages.]. Moscow, RGGU [Russian State University of Humanities], 2011. 672 p. (In Russ.)

Polivanova A. K. *Vybor chislovykh form sushchestvitel'nykh v russkom yazyke* [The choice of numerical forms of nouns in Russian.] [1983] // Polivanova A. K. *Obshchee i russkoe yazykoznanie. Izbrannye raboty* [General and Russian Linguistics. Selected works]. Moscow, RGGU [Russian State University of Humanities] 2008 (= Smirnov I. S. (ed.). *Orientalia et classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti. Vypusk XVII* [Proceedings of the Institute of Oriental cultures and antiquity. Vol. XVII], pp. 39–67. (In Russ.)

Polivanova A. K. *Opyt postroeniya grammaticheskoi klassifikatsii russkikh leksem* [An attempt of constructing a grammatical classification of Russian lexemes] // Ivanov Vyach. Vs. (ed.) *Yazyk logiki i logika yazyka* [The language of logic and the logic of language]. Moscow, PIK VINITI, 1990, pp. 41–69. (In Russ.)

Polivanova A. K. *Formal'naya paradigmatika i klassy slov v russkom yazyke* [Formal Paradigmaticity and word classes in Russian.] [2001] // Polivanova A. K. *Obshchee i russkoe yazykoznanie. Izbrannye raboty* [General and Russian Linguistics. Selected works]. Moscow, RGGU [Russian State University of Humanities] 2008 (= Smirnov I. S. (ed.).

Orientalia et classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti. Vypusk XVII [Proceedings of the Institute of Oriental cultures and antiquity. Vol. XVII]. P. 167–180. (In Russ.)

Polivanova A.K. *Staroslavjanskii yazyk. Grammatika. Slovarei* [Old Slavonic language. Grammar. Dictionaries]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke [Russian Foundation for education and science Publ.], 2013. 765 p. (In Russ.)

Revzina O.G. Obshchaya teoriya grammaticheskikh kategorii [General theory of grammatical categories] // Zaliznyak (ed.) 1973a, pp. 5–38. (In Russ.)

Revzina O.G., Revzin I.I. Problema chastei rechi v sovremennoi lingvistike [The problem of parts of speech in modern Linguistics]. *Lingvotipologicheskie issledovaniya. Vypusk 2* [Linguo-typological studies. Vol. 2.]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow State University Publ.], 1975. (In Russ.)

Shcherba L.V. O chastyakh rechi v russkom yazyke <1927> [On parts of speech in Russian] [1927] // Shcherba L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on Russian]. Moscow, Uchpedgiz, 1957. 188 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. Imya prilagatel'noe [The Adjective] // Vinogradov 1952/1953, pp. 281–367. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). *Grammatika russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Russian standard language]. Moscow, «Nauka» Publ., 1970. 757 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika*. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian Grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Word Stress. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow, 1980a. 783 p. (In Russ.)

Shmelev A.D. Kogda i kak mozno ispravlyat' oshibki v grammaticheskikh opisaniyakh? [When and how can errors in grammatical descriptions be corrected?] // *Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii pamyati Andreyana Anatol'evicha Zaliznyaka*. [Grammar processes and systems in synchrony and diachrony. Abstracts of the international conference in memory of Andrei Anatolyevich Zaliznyak.] M.: IRL RAN, 2019. P. 47–48.

Smirnitiskii A.I. K voprosu o slove (problema tozhdestva slova) [On the problem of the word (the word identity problem)]. *Trudy Instituta yazykoznaniiya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of linguistics of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR [USSR Academy of Sciences Publ.], 1954. (In Russ.)

Smirnitiskii A.I. Leksicheskoe i grammaticheskoe v slove [The lexical and grammatical in the word. *Voprosy grammaticheskogo stroya* [Problems of grammatical structure]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR [USSR Academy of Sciences Publ.], 1955a. (In Russ.)

Smirnitiskii A.I. *Drevneangliiskii yazyk* [Old English]. Moscow, 1955b. (In Russ.)

Smirnitiskii A.I. *Morfologiya angliiskogo yazyka* [Morphology of English]. Moscow, 1959. (In Russ.)

Spencer A. Gender as an inflectional category // *Journal of Linguistics*, 38(2). 2002. P. 279–312.

Stepanov Yu. S. *Osnovy yazykoznaniiya* [Fundamentals of Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1966. 272 p. (In Russ.)

Suprun A. E. *Chasti rechi v russkom yazyke* [Parts of speech in Russian]. Moscow, Prosveshchenie, 1971. 135 p. (In Russ.)

Timberlake A. A reference grammar of Russian. N.Y: Cambridge University Press, 2004.- 503 p.

Ushakov D. N. *Kratkoe vvedenie v nauku o yazyke* [A Brief Introduction to the Science of Language]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, 1928. 151 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. O formakh slova [About forms of words] (1944) // Vinogradov 1975, pp. 33–50. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical theory of word]. Moscow, 1947. 784 p.; 2nd ed., Moscow, «Vysshaya shkola» Publ., 1972. 614 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. Slovoobrazovanie i ego otnoshenie k grammatike i leksikologii (Na materiale russkogo i rodstvennykh yazykov) [Word Formation and its relation to grammar and lexicology (on the material of Russian and related languages)] (1952) // Vinogradov 1975, pp. 166–220. (In Russ.)

Vinogradov V. V. (ed.) *Grammatika russkogo yazyka* [Russian Grammar]. V. 1. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR [USSR Academy of Sciences Publ.] 1952/1953. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Research on Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1975. 559 p. (In Russ.)

Yakhontov S. E. Klassy glagolov i padezhnoe oformlenie aktantov [Classes of verbs and the case design of actants] // Khrakovskii V. S. (ed.). *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga* [The problems of the theory of the grammatical voice.] M.: Nauka, GRVL, 1978.- P. 102–108. (In Russ.)

Yakobson R. O strukture russkogo glagola [On the structure of the Russian verb] [1932] // Yakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress, 1985, pp. 210–221. (In Russ.)

Yakobson R. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol [Shifters, verb categories and the Russian verb.] [1957] // Uspenskii B. A. (ed.), Revzina O. G. (comp.). *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different structure]. Moscow, «Nauka» Publ., 1972, pp. 95–113. (In Russ.)

Yanko-Trinit'skaya N. A. *Russkaya morfologiya* [Russian Morphology]. M. : Russkii yazyk, 1982. 246 p.

Yartseva V. N. (ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary.] M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 682 p. (In Russ.)